Евгений Винокуров

Сережка с Малой Бронной

Евг. Винокуров

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

СЕРЕЖКА С МАЛОЙ БРОННОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1974

Р2
В49

В $\frac{70402-161}{068(02)-74}$ 172-74

1

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,
по-пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжелым потом строки
Я, как себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью,
Задувшею костер,
и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Вот мы, голые, встали пред военкомом.
Вот нам пальцами доктор о грудь постучал,
И за окнами криком густым, незнакомым
Паровоз объявил о начале начал...

Бьется кружка с противогазной коробкой.
Эй, приятель, да ты побледнел неспроста!..
Он недвижен. И медленно божьей коровкой
Капля алая вытекла вдруг изо рта...

И пошло. Словно тесто, что выпеклось комом,
Лагеря и бараки. Поспать бы, поесть.
С той минуты, когда мы пред военкомом
Молча голые встали — такие, как есть.

СОЛДАТ

Мимо ив прибрежных оробелых,
Мимо длинных, длинных, длинных сел
В сапогах больших, от пыли белых,
Полк пехотный шел —
С развеселой песнею военной.
А последним, замыкавшим ряд,
Был в строю совсем обыкновенный,
Роста невеликого солдат.
На спине был щит от пулемета,
Ранец, как положено бойцу.
Пел он громче всех, и струйка пота
Медленно стекала по лицу.
Пыльная дорога. Полдень. Душно.
Это стало все давно былым.

Вспомнил же его я потому, что
Это я был им.

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните
вот так — подковой.
Завяжите концы, подогнавши по росту.
Всё!
Осталось теперь — нарядиться...

Это так интересно, и мудро, и просто.
Это вам еще пригодится.

АНСАМБЛЬ

Был нами сколочен ансамбль один —
Из трех балалаек и двух мандолин.
Я в нем, как еще не постигший начал,
На репетициях в бубен стучал.
Наш первый концерт в День Победы исторг
У роты, собравшейся в зале, восторг.
Потом мы играли — сыграть нам пустяк! —
Под праздники, в праздники и просто так.
Бывало, все в лагере тихо вокруг —
Палатки, да звезды, да ивы, — и вдруг
Как грянут все струны, весь слаженный строй,
Весельем, печалью и красотой!
Ребята стоят в стороне, не дыша,
У грустных дневальных зайдется душа.
И струны замолкнут в шуршании ив,
Серебряной музыкой мир оросив.
Нас всех за ту власть, что была нам дана,
Любили бойцы, уважал старшина.

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

АККОРДЕОН

Весь золотой, кофейный,
Лиловый по краям,
Аккордеон трофейный
Попал однажды к нам.

Он индевел ночами
В седые холода,
Он обливался щами
В толкучке иногда.

Валялся в мокрых травах,
Соскакивал в ручьи,
Среди портянок ржавых
Сушился на печи.

От края и до края
Прошла —
            дорог не счесть! —
Богатая, чужая,
Сверкающая вещь.

Ремни нежны и узки,
Весь в перламутре он.
Как плакал он по-русски,
Чужой аккордеон!

Напев летел в обозы,
До сердца пробирал...
И старческие слезы
Обозник вытирал.

Слышна по всей округе
Была его игра...

И на плече подруги
Рыдала медсестра.

НЕ ОТКРЫВАЮТ ВТОРОГО ФРОНТА

Мы сели с этой, а с другой руки
Сюда, вот этак, сели иностранцы...
Как выглажены их воротники,
Как равномерны крепкие румянцы!
И разговор: «Да, вы спасли Москву!
Вы держитесь неплохо...» И так дале...

Они не выли в Гомеле во рву!
Они блокадных кошек не едали!

«Вы мужественны!» — «Да, я рад, я рад!
Мы с вами, знайте: вы не одиноки...»
И к виллису идут. Благодарят.
Очкасты. Длинношеи. Длинноноги.
Один все машет!.. Мы, откозыряв,
Молчим, бездонных бедствий очевидцы...

...Вот так махал, наверное, Исав,
Большой знаток библейской чечевицы.

ПЕХОТА

— Только ночи качнутся огнем и метелью,
Где, пехота, твое жилье?

Поцелуй же, пехота, промерзшую землю
И заройся поглубже в нее.

— Что, в полях затемненных трудна ли
работа?

Через ямы и пни без пути
Проползи на локтях, подымись и у дота
Пламя полною грудью хвати!

— Кто здесь рядом так зло и прерывисто
дышат?
Бей, пехота, прикладом в сердцах!
Твое имя, пехота, еще напишут
Золотом на дворцах.

СИМВОЛ МУЖЕСТВА

Когда, оставив на земле заботу,
Я уходил в стремительный полет,
Я ощущал безмерную свободу
Раскинуть руки и смотреть вперед.
И надо мной, как древние ветрилы,
Шли облака с антенной наравне.
Во мне в то время подымались силы
И зарождалось мужество во мне.
И, ребра крыши чувствуя боками,
Вдыхал жарой расплавленную жесть...
Меж мужеством и теми облаками
На свете все ж соотношенье есть.
Я не ходил в атаку безоружен,
Срываясь, ледника не открывал,
Но, если б символ мужества был нужен,
Я облако тогда б нарисовал.

ХОР В ПОЛЯХ

Песня в армии.
Она возникала в голосе запевалы,
Захватывала нас, и мы подхватывали припев...

Это было то искусство,
Где актер и зритель сливаются в одно.
Мы пели для себя — зрителей не было, —
Шли безлюдными полями.

Это высшее искусство!
Фантазеры первых лет революции,
Мечтавшие о слиянии зала и сцены,
О мистериях, где бы в одном порыве
Стиралась грань между смотрящим
И действующим, —
Вот она сбылась, ваша мечта!

Вокруг поля ржи —
Мы шли в земные пределы.
Мы, и актеры и слушатели,
Шли, отдаваясь песне.
Мы вкладывали в нее всю жалость к себе,
Всю мальчишескую тоску по неувиденной жизни,
Всю боль от черных портянок,
Плохо, торопливо замотанных перед походом.

Мы были как древнегреческий хор, по дороге,
Квадратом, движущийся куда-то
В провалы полей.
Мы комментировали запевалу,
Мы как бы напоминали ему о роке
Тонкими голосами,
Вытягивая мальчишечьи шеи из воротников.
А он заливался, он звал, он спорил, он верил,
Не соглашался.
Мы снова вступали, грозили, предостерегали.

А вокруг только простор,
Солнце,
Безлюдье...

КРАСОТА

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красоту давали понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный,
Мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.

Она была минутной и не броской.
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Я помню хлеб. Он черен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расплывались лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.

Военный хлеб. Он к щам годился постным,
Раскрошенный, он был неплох с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к деснам,
Его мы отлепляли языком.

Он кислым был —
ведь был он с отрубями!
Не поручусь, что был без лебеды.
И все ж с ладони жадными губами
Я крошки подбирал после еды.

Я неизменно с острым интересом
И с сердцем замирающим следил
За грозным, хладнокровным хлеборезом.
Он резал хлеб!
Он черный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным.
Он резал грубо, властно, без затей,

Горелой коркой,
как в угле древесном,
Испачкавшись почти что до локтей.

На нем рубаха взмокла холстяная.
Он был велик в восторге трудовом.
Он резал хлеб,
усталости не зная,
Лица не вытирая рукавом!

ЛЮБИМЫЕ

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, отмучившись, отплакав,
Они угомонятся и простят,

И зацелуют. Не дадут покою!
Руками шею крепко обовьют.
Взглянув в глаза, к щеке прильнут щекою.
Затормошат. Любимым — назовут!

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их мягких в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись, на руке у нас.

Любимые!
Когда мы уезжали,
Нас, юных, мешковатых и худых,
Они одни средь ночи провожали
По черным лужам в туфельках худых.

Мы строго шли вперед.
Что нам, героям,
Смятенье их — дорога далека!
Они бежали за поющим строем,
Стирая слезы кончиком платка.

Они в ночи стояли вдоль перрона,
Рыдая,
с непокрытой головой,
Пока фонарь последнего вагона
Не потухал за хмарью дождевой.

И в час, когда на тротуарах наледь,
Возвышенных достойные судеб,
Они стояли, чтобы отоварить
Мукою серой карточки на хлеб.

И снилось нам в огне чужого края:
Их комнатка — два метра в ширину, —
Как, платье через голову снимая,
Они стоят, готовятся ко сну.

Любимых, как известно, не балуют —
Два-три письма за столько лет и зим!
Они прижмут к груди и зацелуют
Те десять строк, что мы напишем им.

Они в товарняках, по первопуткам
К нам добирались в тот далекий год.
С убогим узелком, они по суткам
Толкались у казарменных ворот.

А часовой глядел на них сурово.
Любимые,

Не зная про устав,
Молили их пустить и часового
В отчаянье хватали за рукав.

Они стоять могли бы так веками,
В платках тяжелых, в легких пальтецах,
От частых стирок с красными руками,
С любовью беспредельною в сердцах.

ДЯДЯ

Мой дядя в двадцать пятом
Командовал полком.
Он был крутым солдатом,
Прямым большевиком.

И, от природы добрый
И вовсе не герой,
Питался чаем с воблой,
Жил в комнате сырой.

Он полной мерой мерил
Поступки и слова.
Он свято в дело верил,
Как верят в дважды два.

Сказал он зло и четко
Однажды в Новый год,
Что здесь преступна водка,
Коль голоден народ.

Он пробегал сурово
С утра столбцы газет —
Пожара мирового
Все что-то нет и нет...

Он вечно жил, готовясь
К тому, что впереди.
Торжественная совесть
Жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама
Над бровью полоса...
Он смотрит зло и прямо
С портрета мне в глаза.

***

Сосед мой, густо щи наперчив,
Сказал,
взяв стопку со стола:
— Ты, друг, наивен и доверчив.
Твоя жизнь будет тяжела.

Но не была мне жизнь тяжелой.
Мне жребий выдался иной:
Едва расстался я со школой,
Я тотчас принят был войной.

И в грохоте, способном вытрясть
Из тела душу,
на войне,
Была совсем ненужной хитрость,
Была доверчивость в цене.

Я ел — и хлеб казался сладок,
Был прост — и ротой был любим,
И оказался недостаток
Большим достоинством моим.

* * *

От подъема и до отбоя
На занятиях мы с тобою.
Затянувши ремни потуже,
Маршируем, или в кустах
Маскируемся, или по лужам
По-пластунски, на животах...
А потом по ночам нам снится,
Утомленным дневным трудом:
Вся в вечерних огнях столица,
В переулочке низкий дом.
Мы бываем с тобою дома
От отбоя и до подъема.

ВОДА

Я до тепла был в молодости падок!
Еще б о печке не мечтать, когда
По желобку меж стынущих лопаток
Струится холодящая вода!

От той смертельной, муторной щекотки
Спирает дух, как на полке́ в парной,
Особенно когда еще обмотки
Пропитаны водою ледяной.

Шинель моя намокла, как мочало.
Умерь попробуй звонкий лязг зубной!
Вода стонала,
                    хлюпала,
                              пищала
В зазоре меж подошвой и ступней.

Она была обильною и злою,
Текла с дерев на лоб, на щеки, в рот.
Ее с лица я отирал полою,
Как возле топки отирают пот.

В разливы рек я брел и брел по шею,
Я воду клял и клял на все лады.
Я не запомнил ничего страшнее
Холодной этой мартовской воды.

* * *

Под сияющим небом, игралищем гроз,
Ветер волосы мне растрепал!
Нес меня паровоз
В дробном стуке колес,
В черном ливне мелькающих шпал.
Месяцами я шел через солнечный зной
В необхватный июльский простор.
Беспощадной и яростною голубизной
Я навеки отравлен с тех пор.

Были в жизни моей восхожденья круты,
Шли железной шеренгой года,
Синий, синий, густой океан чистоты
Мне уже не забыть никогда.
Чтобы пламень веселый во мне не потух,
Чтоб не спал вдохновенья прибой,
Как кузнец, я ковал дни и ночи свой дух,
Строгий суд я держал над собой.
Мне нужна только истина. Вынь да положь!
Жив я, правдой одной дорожа.
Знаю я — на губах так же пагубна ложь,
Как на чистом оружии ржа.

* * *

Там валуны, шершавые на ощупь,
Там тьма, и глушь, и травы по плечам.
Там в полдень рощи,
Как старухи, ропщут
И, словно дети,
Плачут по ночам.

Мы в том краю солдата схоронили.
Трещал сушняк, ручей гремел навзрыд.
Под рыхлым пнем, светящимся от гнили,
Сырою ночью был наш друг зарыт.

Тот низкий холм
Уже трава покрыла,
Его теперь и не отыщешь днем...

Лишь по ночам горит его могила
В краю пустынном голубым огнем.

* * *

Я видел мир таким, какой он есть,
Тот страшный мир с яругами кривыми,
Со степью снежною, где места нет, чтоб сесть.
С примерзшими к винтовкам часовыми.

С путем бессонным от костра к костру,
С березами, издерганными ветром,
С весенним ливнем, что, пробив листву,
Гудя, уходит в землю на полметра.

Я видел мир, где черная вода
Из мелких лужиц и канав целебна,
Где в небо звездное взлетают города
И к сапогам ложатся слоем щебня.

Сейчас повис он, стихший до утра,
Какой-то незнакомо оробелый,
В дрожащей капле у конца пера,
Безмолвной ночью, над бумагой белой.

***

Вот умру,
И никто не заметит на свете...

Был обычен мой путь,
Трудноват и недолог.
Только, может, когда-нибудь,
Через столетье,
Откопает меня из земли
Археолог.

И в музее,
Где древние торсы и вазы,
Сдунув пыль,
Аккуратно разложит на полки
Горстку пуговиц медных,
Портсигар из пластмассы
Да истлевшие клочья
Моей гимнастерки.

Скажут детям:
— Он полон был честной отваги.
«Победитель» — народы его называли
Он лежал без сознанья
В кровавом овраге,

Пил болотную дрянь
На минутном привале...

Пред атакою,
В сторону руку откинув
(Дети, слушайте! Это все было когда-то),

На полметра промерзшую
Мертвую глину
Он оттаивал теплою грудью солдата.

ОТЦЫ

У возвратившихся с фронта отцов,
Мешки и подсумки облазив,
Ребята не просят
Цветных леденцов,
А просят военных рассказов.
А дети задремлют,
Наград боевых
Касаясь во сне головою,
Отцы осторожно баюкают их
Песенкой строевою.

ДВА ЛИЦА

Мы встречались совсем немного.
Помню дом ее в центре Москвы.
Губы тонкие, недотрога!
Косы грузные вкруг головы.
Строгой-строгой была,
                                        непреклонной,
Но прислушивалась к звонку
И о чуткий ледок оконный
Остужала тайком щеку...
Мы встречались,
                                    под снегопадом
Мы ходили с ней на каток.
Мелким шагом я шел с ней рядом,
Чуть придерживая за локоток.
Как ярка голубая арена!
Разноцветные огоньки.
У скамейки, встав на колено,
Зашнуровывал ей коньки.
Кротко чистил ей мандарины,
И снежинки,
                        летя с небес,
Словно крошечные балерины,
Танцевали нам полонез...
Это первая,
                        а вторая

По-другому была горда.
Над снегами переднего края
Ржавой проволоки три ряда.
Поднималась звезда над снегами,
Над погибшим на днях полком...
Торопливо гремя сапогами,
Прибежала ко мне тайком.
И сама дивилась поступку,
И смеялась, попавшая в плен.
По-солдатски короткую юбку
Все дотягивала до колен.
Словно вспугнутые погоней,
Колотились наши сердца
От нашедших друг друга ладоней,
От нелегкого спирта-сырца.
Словом ласковым не называя,
Говорила мне грубо: «Мой!»
Укрывала нас ночь фронтовая,
Как шинелью, своею тьмой.
Фронтовых бездорожий буйность,
Над катком голубая пыльца...

Словно детство и словно юность —
Эти два молодые лица.

***

Тоска по детству — ерунда!
Вот детство! Что на свете слаже?..
А я б не захотел туда
Вернуться на мгновенье даже.

Наморщь-ка лоб: чем одарит
Нас память?
Это ж всем знакомо:
В снежки играем, дифтерит
Да скука над законом Ома...

Зато — о юность!
Как остры
Воспоминанья!
И чем старше,
Тем резче помню —
от жары
Свой первый обморок на марше...

ВЫПУСКНИК ИЗ УЧИЛИЩА

Письмо ие иайдет адресата!..
Училищу низкий поклои!..
Упала иа плечи курсаита
Звезда офицерских погои.

Старшииские где вы попреки?
Мечта о величье в душе!..
Неужели иа пищеблоке
Нам всем ие диевалить уже?

Нас ждет фроитовая удача!
Мы роту подымем иа дот!..
...И десятиклассиица, плача,
Напрасно к воротам придет...

МУЗА

Слова не мальчика, но мужа...
А ну, попробуй-ка, верни!
Она вдруг упорхнула, Муза,
Напомнив фронтовые дни.

Не скрипнула и половица,
Она покинула меня,
Проказливая шаловница
Средь трупов, танков и огня...

ВОСХИЩЕНИЕ

Мы восхищались офицерским лоском
Комбата — хоть робели перед ним —
И запевалою, и подголоском,
И крупным нашим шагом строевым,
И также восхищались нашим ротным,
В делах войны не смысля ни аза,
Его решением бесповоротным,
Фуражкою, упавшей на глаза.
И приводили в изумленье прямо,
В благоговенье прямо, наконец,
Два ассистента, что держались прямо,
И знаменосец, розовый юнец.

ЛЕТО. 1941

Мы лежали с тобою у самой воды.
Я почти что не слушал тебя, балабола,
И, подставивши солнцу свои животы,
Мы, сощурясь, вдыхали дымок «Беломора».

...Ну а где-то гулял пулемет по толпе
Измочаленных беженцев около Бреста...
Мы никак не могли и представить себе,
Что уже и под нами разверстая бездна.

Был покой над речною излукой глубок,
Опаленные сосны брели по откосу...
И, подставивши солнцу июльскому бок,
Я о теплый песок потушил папиросу.

Тишина была эта настолько сильна,
Даже поезд и тот не пугал ее стуком,
Что никак не могли мы то слово
«война!»
Ни понять, ни осмыслить, как надобно,
с другом.

***

Самолюбие, ты меня
Чуть кольнешь — и, мокрый от поту,
Помертвев, котелком звеня,
Догонял я на марше роту.
Не за деньги и не на приз,
А, пожалуй, тебя лишь ради
Я неистово ручку грыз
Перед чистым листом тетради.
Почему же, бледный как мел,
Я звоню ей сто раз на неделе?

Неужели я не имел
Самолюбия, в самом деле?

***

На окнах светомаскировка.
Во тьму был город погружен.
Не малая нужна сноровка,
Чтобы пройти в чужой район.
Но я ходил.
Мы с ней встречались
На лавке в глубине двора.
Над нашей головой качались
Зеленые прожектора.
Вдвоем мы с ней рядком сидели,
Бок о бок, молча, до утра,
И, головы задрав, глядели
На длинные прожектора.
За легкой их следили пляской...
Напрасно за ночь много раз
Дежурный по двору с повязкой
Домой прогнать пытался нас.
Ну что ж, что слышались раскаты,
Что пули прошивали мрак?..

Мы разве были виноваты,
Что юность начиналась так?

МЕСТЬ

Над юностью моей стояло слово «мщенье»...
В военкомате и фойе кино,
В сберкассе и в любом учрежденье —
Везде пылало со стены оно.

...Перловку поедая с аппетитом
Из котелка,
я взор бросал косой
В листок, где, словно муравей, петитом
Оно брело — то слово — полосой.

Я на перроне спал под этим словом...
Я мчался по шоссе:
во весь размах.
От сердца намалеваны багровым,
Кричали в сажень буквы на домах.

...В дни юности всегда страшатся злого.
У молодости много слов! Не счесть!
Но помню я одно прямое слово,
И это слово кратко было — «месть».

* * *

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг, —
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — все притихнет вдруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

НЕИЗВЕСТНОЕ

Когда на фронте я входил в село,
О нем, притихшем, ничего не зная,
О, как оно к себе меня влекло!..
Что там за огонек мигает с края?

Я шел в густую темень, словно вброд.
Не дрогнет ветка. И не скрипнет полоз.
Быть может, девушка мне отопрет,
С распущенными косами по пояс?..

Неведомое! Что там впереди?
А огонек вдали лукавит где-то...

Рукою шаря, дверь во тьме найти.
Пригнуться... И ослепнуть вдруг от света.

ИЗ ВОЕННОГО ДНЕВНИКА

Этим утром страшными вестями
Поднят мир. Мир напрочь сбит и смят!
Поезда железными костями
По пустым просторам прогремят.
И, прощаясь, люди торопливо
На перронах будут руки жать.
Первый крик. И первый дым разрыва.
Первая забьется, плача, мать.
И пойдем. Нам это не впервые.
Гром у кухонь. Крик у переправ.
До седых морей дойдут, дойдут живые,
Мертвых по дорогам растеряв...
Возле стойки фрачные лакеи
Страх не скроют в выцветших глазах...
Захмелев, на Франкфуртен-аллее
Песнь степную прокричит казах,

* * *

Я много знал, я много видел
И многое позабывал.
Я кровь рукой у друга вытер
Со лба. Он в поле — наповал...
Табак выменивал на мыло,
Ловил морковку в блеклых щах,
Тогда страна меня кормила
С ладони. Жил я — натощак...
Кленок за гарнизонной баней —
Я видел как-то раз — пророс.
А я застежки рвал зубами,
На ранце во поле, в мороз!
Я у костров любил коптиться,
Белье под желобом стирал...

Поэзия, моя жар-птица,
К тебе я руки простирал!

Я жил, в быту изнемогая...
Но, как орел, что хмур и смел,
Глядит на солнце, не мигая,
Вот так я на тебя смотрел.

* * *

Хлеба кус, да миска суповая,
да шинель —
и вот и песня вся!
Жил я, на удачу уповая,
бремя нетяжелое неся...

Шел тогда в простор полей, не плача,
спал свернувшись
— вот и все дела!
А того не знал я, что удача
у меня тогда уже была.

КАМА, 1941

Буксирный катер «Пролетарка»
Будил просторы поутру...
Читаю медленно Плутарха
И за борт на тайгу смотрю...

На палубе лежат вповалку,
Русь как бы двинулась в поход!
Картуз склонился к полушалку
И под гармонику поет.
И раненый из медсанбата
Глядит светло и глубоко...
Рогожи подстелив, ребята
Бесстрастно режутся в «очко».
И, чувствуя себя средь тощих
Людей, как не в своем мирке,
Сидит с портфелем заготовщик
В брезентовом дождевике...

И в знак, что ведь еще немало
Хлебнуть всем будет суждено,
У раненого проступало
Сквозь бинт кровавое пятно.

* * *

Почти что год уже идет война...
О, как пустынен городок на Каме!
За пристанью покойна пелена.
Река перекликается гудками.

Сидит над Камой в сквере инвалид.
Тельняшка под халатом полосата.
Скрутить рукой цигарку норовит
Из крупного, как палки, самосада.

Мы кончили на днях девятый класс.
И парень нам рассказывает вяло,
Что выбило ему под Ржевом глаз
И что по локоть руку оторвало.

...Пространство Камы где-то там, внизу.
Как тянет рыбой, соснами, грибами!..
Еще полгода. Я в кювет вползу
И санпакет перегрызу зубами.

***

...В это время в малиновой шапке начальннк
Дал сигнал. Я к вагону рванул прямиком,
На отлете держа алюминевый чайник,
Неопрятно плескавшнйся кипятком.

На подножку хотел я вскочнть. Без сноровки
Промахнулся, но поручнн крепко схватнл.
И походных ботннок пудовых подковки
Заскреблн о бегущнй перронный настнл.

И повис я. И, как у канатной плясуньи,
Что готова вот-вот потерять высоту,
Зябко волосы мне шевельнуло безумье,
И почувствовал я прнвкус крови во рту.

Поезд мчал. Я пытался подняться и, тужась,
Вверх хотел подтянуться усильем однным.
И под танец колес, нагнетающнх ужас,
Горло мне разодрало вдруг воплем немым.

Я внсел, ручку чайника больно сжнмая
В пальцах, красных от бешеного кипятка.
И летела черта надо мною прямая
Горнзонта,
отчетлива н далека.

ОПОЗДАЛ

В поездах есть что-то отчаянное...
Я стоял одиноко на обледенелом перроне,
Затерянном среди степей Башкирии.
Что может быть фантастичней и безутешней,
Чем свет электрического фонаря,
Качающегося на ночном полустанке?

Мимо меня изредка проносились составы.
Они обдавали меня дребезжаньем
И угольной пылью.
И всякий раз я придерживал пилотку,
Словно здороваясь.
Кривое, голое дерево, росшее у платформы,
Вытягивалось вслед за ними...

Я ждал, что какой-нибудь эшелон
Все же наконец случайно остановится!
Вдалеке чернела глыба леса...
Я поднимал голову:
Надо мною было несчетное
Воинство звезд.
Полки звезд. Дивизии звезд. Армии звезд.
Они все двигались куда-то...

Час назад я отстал от эшелона —
Бегал за кипятком.
Мне угрожал трибунал.
Я стоял.
Снег вокруг моих ботинок подтаял,
А в алюминиевом чайнике,
Который я держал в руке,
Вода уже покрылась корочкой льда...

Я видел над глыбой леса,
Далеко-далеко, в стороне от других, отставшую,
Одну маленькую звездочку.
Я смотрел на нее.
И она смотрела на меня.

* * *

Спит солдат на концерте,
Упав на барьер головой.
...Там актеры как черти
По сцене бегут круговой.

В тонких юбочках феи
Там ножками бьют на лету.
Знатоки, корифеи,
Ценители в первом ряду...

Спит солдат на концерте.
Он топал по вмятинам шпал!..

Захотелось до смерти
Уснуть... Головою упал.

Гул все глуше и глуше.
А вот и последний хлопок.
И гигантские лужи
Стоят у гигантских сапог.

Спит солдат на концерте.
Дороги вовсю развезло!..

Как спалось мне под Верди!
Как было тогда мне тепло!

* * *

Вот я на карточке старой
Стою, подбоченившись, в раме...
Безусый, семнадцатилетний,
Крест-накрест обвитый ремнями.
Стою, опираясь на саблю.
Уж больно я грозен, ей-богу!
Я на ухо сдвинул фуражку
И выставил правую ногу.
Сейчас я признаюсь открыто,
Что с помощью лести и спора
На час ту нелепую саблю
Выпросил я у каптера.
Фуражка тоже чужая;
Одолжена политкомом...
Я снимки заклеил в конверты
И разослал по знакомым.
Знакомые долго смеялись
В глубинах далекого тыла...
И только одна лишь девчонка
На снимок слезу уронила.

* * *

Итак, все кончено. Я выжил.
Обмотки. В недрах вещмешка
Буханка. В тряпке соль. Я вышел,
Держась за притолку слегка.

Я приобрел за две недели
Те утонченные черты,
Что, может быть, и в самом деле
Уже сильнее красоты.

Страданье, что огромным было,
Раздумьем тронуло чело.
Оно подглазья углубило,
У рта морщины провело.

Как тень стоял я, еле-еле...
Душа, где ты была дотоль?
Ее я чуял ясно в теле,
Как хлеб в мешке, как в тряпке соль.

***

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.

Пил пустой кипяток
С населеньем вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.

С дальних, призрачных рощ
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.

Я ходил взад-вперед.
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.

Рыжий парень с ножа
Кушал серое сало.
Ртом заколки держа,
Баба волос чесала.

Скучный полдень томил.
Сев со смазчиком рядом,
Я солидно дымил
Молодым самосадом.

Смех вдруг вспыхнул, звеня,
Как-то чисто и ломко:
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.

Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.

Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура!

Я застыл, сам не свой, —
С сердцем не было слада —
Под густой синевой
Горделивого взгляда.

Я хотел подойти,
Но проклятая робость
Пролегла на пути
Между нами, как пропасть...

Вдалеке семафор,
Предвещая разлуку,
Как усталый актер,
Поднял горестно руку.

И под пляску колес,
Под колес переборы
Поезд грозно унес
Гору дыма в просторы.

Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспоминал я о ней
С затаенной тоскою.

Вспоминал,
крепким сном
Под кустом забываясь
И в полку запасном
Поутру обуваясь.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало, —
Это ложка из рук
У меня выпадала...

* * *

Пока есть в реках сила гнать каменья,
Пока есть вьюги, чтоб в полях греметь,
Пока есть руки, труд и нетерпенье,
Пока есть сердце, чтобы песни петь, —

Поэты будут
грустно, нежно, страстно
Писать про юность много-много лет.
Ты ж встань
сейчас
решительно и властно,
В ушанке серой, грозных дней поэт!

Ты встань сейчас и расскажи потомкам,
Как в юности, средь воющих снегов,
Ты жил в полях, как в бой ходил, о том, как
Колол штыком и не писал стихов.

***

Я бросал свое бренное тело,
Как мешок, все равно куда!
Просто наземь. Какое дело!
Ну подумаешь! Ерунда!

То хвороба. То голодуха.
Застужал его, обжигал.
Я, живущий во имя духа,
Бренным телом пренебрегал.

Обессилев, валялось тело
У дороги в грязи, в поту...
А душа между тем летела,
Словно жаворонок,
в высоту.

* * *

Со мной в одной роте служил земляк —
Москвич, славный парень — Лешка.
Из одного котелка мы с ним ели так:
Он — ложку, я — ложку.

Вдали от Москвы, по чужой стороне,
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и часто во сне
Друг друга локтями толкали.

А в затишье, бывало, после атак,
На привале ко мне он подляжет,
И мы про Москву говорили с ним так:
Я — расскажу, он — расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шумит по-немецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

Он был под Варшавой в бою штыковом
Убит. Мы расстались. Навеки...
Он жил на Арбате, в большом, угловом,
В сером доме, что против аптеки.

ОСНОВА

Всей перешедшей по наследству плотью,
Всем обликом,
которым дорожу,
К широкому в плечах простонародью
Я от рождения принадлежу.

К тому, что под гармонику вопило,
Что, лузгая подсолнух на ходу,
Блестящие проспекты затопило
Сермягами в семнадцатом году.

Наследственности сложного вопроса
Не подыму,
а лишь коснусь слегка.
Моя родня отчаянно курноса
И в скулах непомерно широка.

Я от земли ушел бесповоротно,
Сапог не шить и не скорняжить мне.
И все ж моя душа простонародна
В своей основе, в самой глубине.

Я не желаю ничего иного,
И я живу, уверенность храня:
Здорова и сильна моя основа,
В тяжелый час она спасет меня.

***

Командир батареи! —
Звался я. Воротник
На мальчишеской шее
Был безмерно велик.

Командира солдаты
За спиною, тайком —
Седоваты, усаты —
Называли сынком!..

Я же выглядел бодро —
Командир как-никак!..
Сапоги словно ведра
На тщедушных ногах.

Не чета был придирам,
Не чета добрякам —
Был отцом-командиром
Я своим старикам!

Уважали комбата
В простосердье своем.
— Не споем ли, ребята? —
Выдыхали: — Споем!

И с присвистом, и с гиком,
И с отмахом руки
Оторвут «Гоп-со-смыком»
Мои старики.

Я бранил их, коль были
Ноги мокры у них.
Письма им из Сибири
Я читал от родных.

Слал на родину справки.
Проверял на посту.
Толковал о заправке,
Про ушей чистоту.

Все, глядишь, ничего бы,
Но считаться изволь:
Ревматизмы, хворобы,
Загрудинная боль.

Шли и старый и малый
В те года умирать.
Взглянешь — скажешь: «Пожалуй,
Несерьезная рать!»

...Все на свете не вечно,
И не вечен гранит!..
Но в истории нечто
Есть, что как-то роднит...

Обошли мы полсвета,
И, признаюсь, порой
Почему-то все это
Мне казалось игрой...

ТАНЦПЛОЩАДКА

Я был до танцев падок,
Я беззаботен был,
Дощатых танцплощадок
Я шум и гром любил.
Любил я,
невесомо
Скользящий в полусне,
Чтоб музыки истома
Бежала в сердце мне.
Любил,
чтоб в громе бала
Бездумная кадриль
До неба вышибала
Из танцплощадки пыль!..
Тех славных, в самом деле,
Мне не забыть минут:
Здесь дерзко щеки рдели,
Сверкали взгляды тут!
Здесь шелк богатый редок,
Здесь царствовал один
Всех красок, всех расцветок
Ликующий сатин.
Под лампой в шуме кленов
Летели вечера...
О, взглядов и поклонов

Старинная игра!
Порхала пылко полька,
Гремел мазурки шквал.
Кассир в окошке бойко
Билеты продавал.
Звенели лихо шпоры,
Когда неслись с душой
Под сорок лет майоры
С одышкой небольшой.
И в грохоте фокстрота
Бил в нос с пяти шагов
Дух гуталина, пота,
Помады и духов.
Смешного были плана
Истории подчас:
Иной верзила спьяна
Пойти пытался в пляс.
Пил прямо из бутыли
И делал кренделя,
Пока не выводили
Его два патруля.
Блистали в косах блестки,
Летало конфетти...
Входи же на подмостки,
Лишь трешку заплати!
Здесь флейта томно пела,
Труба впадала в крик...

Здесь юность пролетела
Моя, как краткий миг.

* * *

Есть русское бродящее начало,
Как хлебным суслом полная дежа...

Я бы хотел, чтоб пела и кричала,
Святая Русь,
во мне твоя душа.

Среди покосов, на цементной плахе,
Стоят вдвоем у спуска на Оке
И Мужество в разорванной рубахе,
И Скорбь в сошедшем до бровей платке.

Поля вдали...
А дни идут на убыль,
Недалеко до рокового дня.
Я жив пока. И пусть тоска и удаль
Не покидают никогда меня.

В КАРПАТАХ

Дорогой спиральной и узкой,
О гравий корябая шины,
В небо с тяжелой нагрузкой
Ввинчивалась машина.

Кружка на поясе билась,
Пилотка сползала косо.
Облаков сероватую сырость
Перемалывали колеса.

И — вниз!
Только ветры взвыли,
И снова равнина и хатки...
...Из кружки я, вылезши, вылил
Му́тного неба остатки.

СЕРЖАНТ ДЕНИСОВ

Сержант Денисов был хороший парень.
За многое ему я благодарен.
Он научил ходить в строю меня
И песни петь
в каких-нибудь три дня.
Он мне открыл, упорный и крутой,
Всю нетактичность опозданья в строй.
И не забыли многие в полку,
Что было мне за пряжку на боку.
Но время шло. Усердный ученик,
Я тонкости различные постиг.
Побрит, шинель положенной длины
И выправка не хуже старшины.
С тех давних пор порядок строевой
Моей натурой сделался второй.
Я стал упрям и по-армейски строг,
Я легких в жизни не искал дорог.
Сержант Денисов был хороший парень,
Сейчас ему я очень благодарен.

* * *

Я знал его.
Огнем одним
Ладони грея, вечерами
Я говорил, бывало, с ним
Примерно как теперь вот с вами...

Сейчас, сжав автомат в руках
И сдвинув брови с жесткой волей,
Стоит он, бронзовый, в веках...
Его ж мы звали просто —
Колей.

* * *

Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги.
В широкой армейской шинели
Мы ростом казались малы́,
Мы песни заливисто пели,
Скребли, провинившись, полы.
Когда же, идя на ученья,
Мы путали ногу подчас,
«Двадцать пятого года рожденья!» —
С усмешкой кивали на нас...
Но фронт наступил!
Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до боя сдружаясь,
Друзей после битв хороня.
Орудия, танки, повозки
Гремели по городам,
И пели по-чешски и польски
Веселые девушки нам.
А в час, когда звезды студены,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской...

ПОЛЫ

Лишь только в небе вспыхнут звезды густо,
Без громких жестов и излишних слов
Я изучал высокое искусство
Мытья простых, некрашеных полов.

Мир поворачивался по своей орбите.
Полк ровно спал и глубоко... Ну что ж,
Я тер полы! В армейском нашем быте
Каких занятий только не найдешь!

Я воду лил, потом брал тряпку в руки
И по полу гнал водяной разлив,
Сняв сапожищи, подтянувши брюки
И рукава по локти засучив...

* * *

За окошком сосны голубые,
Часовых по тьме шаги глухи...
Я весенней полночью впервые
На дневальстве написал стихи.
Написал, а до утра не скоро.
И тогда я той порой ночной,
Их прочел ленивому каптеру,
Силою разбуженному мной.
Я читал их с жаром, подвывая,
Ощущая радостный озноб.
Он смотрел, вздыхая и зевая,
И затылок пятернею скреб.
Сколько сил, упорства и старанья
С той поры я приложил, пока
Не достиг всеобщего признанья
Строгого пехотного полка.
Что есть выше для поэта, если
Слышит он — под гром идущих рот
Им самим придуманные песни
Запевала на́ голос берет!
А каптер? Он в долгосрочный вышел
И в своем селе, перед женой,
Как недавно я случайно слышал,
До сих пор еще гордится мной.

НОЧЬ

В час, когда отгрохочет прогулка вечерняя
И у склада заменится старый наряд,
Часовым, заступающим,
для развлечения
Над казармою тихие звезды горят.

Часовые и звезды — все ясно и правильно!
И казарма, вздымаясь полней и трудней,
В сон уходит, как будто бы в дальнее плаванье,
Всею мощью широких солдатских грудей.

Сапоги у кроватей стоят как положено,
На одежде клубками свернулись ремни.

Тишина в гарнизоне, и осторожно
Меж деревьев дрожат караулок огни.
Трут дневальные пол, приседая на
корточки.
И, как в детстве — щекою в ладонь, — до утра
Смотрят сны
писаря, прибористы,
наводчики,
Полковые сапожники и шофера.

* * *

Земля омыта
Летними дождями.
Нам вдаль идти
С припевом строевым,
Нам вдаль идти,
Где прочно, как гвоздями,
Прибита пыль
К дорогам полевым!

Еще темно,
Звезда моргнет
И канет.
Весь долгий день
Шагать придется,
Брат.
В пути рассвет
По спинам нашим встанет,
По лицам нашим
Спустится закат.

И там, в пути,
Среди июльской лени,
На перекур усядемся под рожь,
И ты, пилотку
Гладя на колене,

Свои стихи мальчишечьи
Прочтешь...

Ну что ж,
Пора!
Сияет ночь
Звездами.
Нам вдаль идти
С припевом
Строевым.
Нам вдаль идти,
Где прочно,
Как гвоздями,
Прибита пыль
К дорогам полевым.

***

За полночь напропалую
Ломай карандаш, кроши
И крепкую песню
                такую
Стремительную напиши!
Чтоб утром, еще до рассвета,
Пока не зажегся восток,
Она б полетела по свету,
Как из блокнота листок.
Чтоб в синих краях далеких
Рухнула, как обвал,
Всей силой взорвавшихся легких
Румяных от сна запевал.
Чтоб утром, покуда, сутулясь,
Ты б шел от стола до окна,
Устами поющих улиц
К тебе возвратилась она.

ОДНОФАМИЛЕЦ

Однофамилец мой был седоус и худ.
Он громко чавкал при приеме пищи.
Он дергался — какой-то нервный зуд!
Кисет зачем-то прятал в голенище.
Я холост был, а у него жена.
Держался он всегда один, особо.
Фамилию лишь крикнет старшина,
Мы голову сломя бросались оба.
Он звал меня презрительно — пострел!
Вина не пил. Но чай хлебал до пота.
А все-таки я на него смотрел,
Как будто нас объединяло что-то...

ЖЕНЩИНА С КРАСИВЫМИ ЗУБАМИ

Женщине с красивыми зубами
Все кажется смешным.

Мы не говорили о женщинах
По вечерам, когда всходила луна.
Мы вспоминали о том, кто как ел дома.

Наше училище было
В том же городе,
Где я несколько месяцев назад
В школе сидел за партой,
В десятом классе.
Старшина, татарин Ахмеджанов,
Раз в десять дней
Строил нас перед фронтоном казармы
И вел в гарнизонную баню.
Под мышкой мы держали
Скатанное нательное белье.
На центральной улице города
Было много гуляющих.
Их взгляды действовали на нас,
Как сильный, возбуждающий напиток.
В нас вдруг начинали брезжить далекие
Гражданские воспоминания.
Мы молодцевато приосанивались
И с ожесточением вбивали шаги в мостовую.
В груди начинало петь.

Однажды был какой-то
Особенный вечер.
Город потонул в теплой
Розовой дымке.
Я, как обычно, шел
В последней шеренге.
И вдруг на повороте,
У белого зданья городского театра,
Когда ликованье в наших сердцах
Достигло предела,
Я вдруг почувствовал,
Что развязалась обмотка.
Она спадала широкими баранками
С худой ноги.
Я отстал от строя,
Вступив в единоборство
С грязной и бесконечной лентой.
Шинель, доставшаяся мне, как видно,
с великана,
Встала на спине горбом.
И вдруг я услышал смех.
Я обернулся и увидел рядом с собой
на тротуаре
Ту, которую я любил
И которой я когда-то нравился,
Но о которой позабыл
За событиями последних месяцев.
Она стояла с двумя щеголеватыми молодыми
людьми

В белых воротниках, выпущенных на пиджаки.
Она смеялась.
Она смеялась, сверкая красивыми зубами,
Она хохотала до слез.

НАУКИ

Ты сиимешь калоши и скииешь пальто.
И сколько иового после граждаики,
Сколько разиых наук?..
А первая — про то,
Как заматываются портянки.

Закручивай враз — чтоб к поверке успеть,
Закручивай ие спеша — в дорогу...
Затем иеобходимо
иаучиться
петь —
В походиом строю, не сгибаясь, под ногу.

Под взмах и под выдох, под песию и свист
Брызнут дороги водою талой!..
И если ты весел и голосист,
Взводиый назначит тебя запевалой.

Дымок — тот, которым ты будешь согрет, —
Всех радостей в мире покажется краше...
И если
создашь себе
авторитет,
Ты выдвииут будешь делильщиком каши.

Но главное — это:
                                        зарывшись на треть
В землю,
            среди синеватого мая
Вдруг встать над окопом и умереть,
Небо, как будто бы мать, обнимая.

РАБОТА

Я на кручу тяжелые шпалы таскал.
Я был молод и тонок —
мне крепко досталось!
Но лишь пот в три ручья да надсадный оскал
На подъеме крутом выдавали усталость.

Налегая всем телом, я глину копал,
Я кидал эту глину лопатой совковой.
Я под вечер с лица потемнел и опал.
Землекоп из меня мог бы выйти толковый.

Я был выделен в баню для носки воды
В группе старых бойцов, работящих и дюжих.
Мы таскали три дня.
На ладонях следы
Целый год сохранялись от ведерных дужек.

Я поленья с размаху колол колуном,
Я для кухни колол и колол для котельной.
Только мышцы ходили мои ходуном
Под намокшей и жесткой рубахой нательной.

Я был юным тогда.
Был задор, был запал.
Только к ночи, намаявшись, словно убитый,
Я на нарах, лица не умыв, засыпал,
На кулак навалившись щекою небритой.

МУЗКОМАНДА

Тем гимнастерки узковаты,
А этим слишком велики.
Стоят солдаты музкоманды,
Нестройные фронтовики.

Война в них мужество вселила,
Но только флейты в их руках.
И алюминиевая лира —
Как капля на воротниках.
Идут. И глухо стонет глина
Под грохот кружек жестяных.
Гармония и дисциплина —
Двоеначалие у них!
И на привале парень тронет
Ртом инструмент — и сразу ж тут
По дому полк в тоске застонет,
Слезу и там и тут смахнут.
И кто же личному составу
Упрек пошлет из-за слезы,
Не запрещенной по уставу, —
Коль в неслужебные часы?..

Под артогнем, во рву, у края
Оркестр гремит, судьбой храним,
Мир хаоса преображая

Искусством праведным своим.
В пилотках набок — неказисты:
Вот тот сутул, а тот в очках.
В шинелях латаных артисты,
Богема в мятых сапогах.
Восторг в их души жизнь вдохнула.
И как легко они парят!
Развод ли это караула.
Иль похороны. Иль парад.
Им важно все. Им все едино.
Ведь тонко чувствуют они:
Гармония и дисциплина
Друг другу в глубине сродни.
Достаточно фальшивой ноты,
Чтобы в казарме мыть полы!
Искусства ж вечные высоты
Недосягаемо белы.
Что там? Армейская палатка?
Иль врывшийся в суглинок дот?

Бог стройности и бог порядка
Вперед их за собой ведет.

* * *

В судьбу походную влюбленный,
Не в фото, где луна у скал,
В казарме, густо побеленной,
Я честно красоту искал.

Ее искал я в дисциплине,
И в пайке, выданной в обрез,
И в алом клине, дымном клине
В теплушку глянувших небес.

Прослушав грустный хрип гармони, —
А я грустил тогда всерьез! —
От глаз я отрывал ладони,
Ладони,
Мокрые от слез...

Через овраги и низины,
Через расплесканную грязь,
Я мчался в кузове машины,
На плащ-палатке развалясь.

Я брел по снежным первопуткам,
Сквозь ночь летел в товарняках,

Питался сечкой по продпунктам
И мылся в санпропускниках.

Я понимал лишь только грозы,
Дорог замес, снегов обвал...
Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

* * *

Комсорг принял взнос, и на складе начпрод
Выдал сухим пайком
Продукты ему на неделю вперед.
И он распростился с полком.

Как весело небо! Мешок на спине.
В хлеба убегает тропа.
И вдруг позади в золотой вышине
За лесом забилась труба.

Забилась, рассыпалася, грустя,
Дразня и ликуя вослед.
И встал он и вспомнил: за лесом друзья
И молодости пять лет.

Сейчас там, должно быть, с занятий пришли,
Готовится к смене наряд,
Расходятся роты и в желтой пыли
Уже на поверку трубят.

Солдат потемнел.
                    До платформы всего
Каких-нибудь десять минут,
А звуки за сердце схватили его
И с места сойти не дают.

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в артполку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И черным сахар был.

С лицом чумазым, средь трудов,
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне,
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Постойте, поезда!
Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!

* * *

В кленовом шкафу строевого отдела
На полке стоит мое личное дело.

Его положили, чтоб долго не трогать,
В нем снимок мой маленький-маленький —
с ноготь.

Годами стоит, как солдат в отделенье,
По папкам другим соблюдая равненье.

Есть номер на папке, на сером картоне.
Открой — и вся жизнь моя как на ладони.

Заслуги, награды и, правда немного,
Взыскания вписаны четко и строго.

Беспечный, я праздную друга рожденье.
Та папка стоит, не дыша, без движенья.

Мечтая, один я брожу до рассвета.
Стоит она, чувствуя локоть соседа.

Усталый, засну. Все у ней честь по чести:
Носки ее врозь, каблуки ее вместе.

* * *

Все на свете имеет свой час и свой срок:
Даже юность, глядящая смело и зорко,
Даже медный испытанный котелок,
О котором сложена поговорка.
Может статься такое, представь себе, друг:
Ранним утром каким-нибудь, гулким и серым,
Я — солдат, и строитель, и песенник — вдруг
Стану строгим, седеющим пенсионером.
Я достану забытые письма, прочту
Строки стертые временем наполовину.
От друзей моих, веривших только в мечту,
В снеговые дороги и дисциплину.
От небритых и резких, ходивших в штыки,
И гонявших плоты, и дробивших каменья, —
С твердым ртом, и с тяжелым пожатьем руки,
И с глазами больными от вдохновенья...

ПРОСТОТА

Был мир пред нами обнажен,
Как жуткий быт семьи в бараке
Иль как холодный,
                    из ножон,
Нож, оголяемый для драки.

Еда и женщина!..
                    Сняты
Покровы с жизни.
                    В резком свете
Мир прост!
                    Ужасней простоты
Нет ничего на этом свете.

Мы шли. Дорога далека!
Держались мы тогда непрочной,
Мгновенной сложности цветка
И синей звездочки полночной.

* * *

Если в дальнем пути я не выдержу раньше,
Упаду головой на дорожный ледок,
Ты не рви мне, товарищ, застежки на ранце,
Дай мне той, позабывшейся, песни глоток!

Перед смертью на горле натянутся жилы,
Я одними губами поймаю куплет
И привстану. И, слабый, найду в себе силы,
И махну уходящему взводу вослед...

ГОРОД

Бумаг накопилось много. Не видно конца работе.
Штабные пятые сутки под лампой не смыкают глаз...
А утром, едва рассветало, третьей стрелковой роте
Идти в наступленье был отдан немногословный приказ.

О городе с острыми крышами во рву толковали
солдаты,
Сержант письмо дочитывал, разматывал кабель связист,
И вот над скомканным лесом и над маленьким полем
измятым
Взлетел, постоял и спустился тревожный и властный
свист.

И все переглянулись, и каждый подумал: «Начало!»
Комбат рукой узловатой снял бинокль с груди,
И артиллерия разгневанно кулаками застучала,
Чтоб двери открыли в том городе, чьи крыши видны
впереди.

И рота пошла на приступ тесно — шинель к шинели.
«Ура!» — в груди распирало, «ура!» — раздирало рот.
Так вот он какой, этот город, чьи крыши вдали
желтели!
Полроты пало в предместье, полроты прошло вперед.

Земля засорила небо, чавкают минометы,
Воздух разорван в клочья, рушатся этажи.
Так вот он какой, этот город! Четверть осталось
от роты.
Тот сержант, что письмо дочитывал, на осколках
стекла лежит.

Дым оседает... Каша варится поваром в роте.
«Так вот он какой, этот город, теперь разобрал,
дружок!»
...Светится тускло лампа. Не видно конца работе.
Штабной, пересилив усталость, на миллиметр
передвинул флажок.

*
* *

Нет, не только все время ветер зловещий,
Нет, не только пожаров коричневый цвет, —
В мире были такие хорошие вещи,
Как, например, восемнадцать лет.

Как, например, очень темные ночи,
Очень грустные песни,
                    кустарник в росе,
На котором весна узелочки почек
Завязала затем, чтобы помнили все...

Но о чем же нам помнить?
                    У нас ведь с собою
Все, что надо для юности,
                    здесь вот, у ног:
Километр дороги до первого боя,
У плеча в вещмешке на неделю паек!

Но однажды, особенным вечером,
                    в мае,
Бородатый солдат под смолистый дымок
У костра на досуге, шинель зашивая,
Про любовь рассказал нам нескладно, как мог...

* * *

Мне далеко еще с полком идти,
Пыль поднимая, с трав сбивая росы,
И, может быть, когда-нибудь в пути
Меня любовь внезапная подкосит.

Звездастой ночью, темной, ветровой,
Огонь тревожный растоплю корою,
Сниму шинель, оденусь с головой
И глаз до света так и не закрою.

И все пройдет.
А утром встану в строй
На место прежнее, второе с краю,
И вместе с ротой гулкою порой
Под свист и топот песню заиграю...

Лишь через годы, вечером, во мгле,
Я другу тайну невзначай открою —
О той, что видел как-то раз в селе
И что еще не позабыта мною.

* * *

Дым в окно врывается
Хлопьями белёсыми,
Поезд в ночь врезается
Острыми колесами.

Буфера, качаяся,
Звонко бьются блюдцами.
Милая, печальная,
Где ты?
              Не вернуться ли?

Ширь полей пустынная
В окнах, как приклеенная.
А дорога длинная
И одноколейная...

ОБЕД

Снял пробу врач и командир полка.
Бушуют щи,
гремит бачков железо,
И затекла узластая рука
Вспотевшего до нитки хлебореза.
Дыханьем кухни зимний день согрет.
Взметнулся крик: — Готовься на обед!

На лестнице штабной у часовых
От запахов тугие скулы сводит.
Под хряск сапог с занятий полевых
В мощеный двор за песней песня входит.
Но времени для перекура нет.
Гремят казармы: — Стройся на обед!

Столы клеенкой свежею горят,
В котлах луженых теплятся томаты.
Без шапок полк.
Застыл за рядом ряд.
В безмолвном ожидании команды.
Но нетерпенья натянулась нить,
И кончено: — К обеду приступить!

И поднимают крышки. В медном звоне
Тяжелый пар клубится по полам.
Обед настал в далеком гарнизоне,
И день переломился пополам.

* * *

Я говорил: к своей большой свободе
Идет по руслу тесному вода...
На жесткий долг, что царствует в природе,
Не сетовал я в жизни никогда.

* * *

Снегом густым замело, забуравило,
Ничего не разобрать добром.
А зимы еще не было, просто набело
Осень была переписана ноябрем.

А зимы еще не было, просто неистово
Ветер врезался в глубь сосняка...

Я портянки разматывал, словно перелистывал
Страницы солдатского дневника.

* * *

Теплым, настежь распахнутым вечером, летом,
Когда обрастут огоньками угластые зданья,
Я сяду у окна, не зажигая света,
И ощупью включу воспоминанья.

И прошлое встанет...
                                        А когда переполнит
Меня до отказа былого излишек,
Позову троих, вихрастых, беспокойных,
С оборванными пуговицами, мальчишек.
Я им расскажу из жизни солдата
Были, в которые трудно поверить.
Потом провожу их, сказав грубовато:
— Пора по домам! — и закрою двери.

И забуду.
                А как-нибудь, выйдя из дому,
Я замру в удивленье: у дровяного сарая
Трое мальчиков ползают по двору пустому
С деревянными ружьями — в меня играя...

КСЕНИЯ

В комнату со шторами
Из пустых сеней,
Звонко звякнув шпорами,
Мы входили к ней.

Три шинели вешали
На гвозде в углу,
Сдержанны и вежливы,
Чинно шли к столу.

Била ночь осенняя
В стекла старых рам.
Сев напротив,
Ксения
Улыбалась нам.

Худенькая, славная.
На руку щекой —
Шейка слишком слабая
Для косы такой!

За окном неистовый
Ветер выл во мгле,
А ему подсвистывал
Чайник на столе.

И за разговорами
О своем былом
Мы звенели шпорами
Глухо под столом.

Но без сожаления
Строго в первый час
До порога Ксения
Провожала нас.

Улыбнулась, тонкая,
Сразу всем троим.
Хмуро шапки комкая,
Грустно постоим.

И минута тихая
Наступала тут,
Только слышно — тикая,
Ходики идут.

...Там, где ветер, рыская,
Роет бурелом,
Есть землянка низкая
В роще за селом.

Там, дымя махоркою,
Навалясь на стол,
Мрачно пили горькую
И смотрели в пол.

Там, как праздник празднуя,
От тоски люты,
Пели песни разные
Мы до хрипоты.

ОГОНЬ

Когда-то в детстве я читал про это.
И мысль тревожит до сих пор меня,
Что родилась из пламени планета,
Что мир возник однажды из огня.

И страшно мне становится порою,
Лишь только я представлю, что сейчас,
Вот здесь, под нами,
под земной корою,
С дней первозданья пламень не погас.

Бывало:
ветки наломай сухие,
Ударь кресалом и полой накрой —
И вот клочочек мировой стихии
Затеплится средь полночи сырой.

Среди январской темноты военной,
В унылую метель и гололедь
Он, тайна тайны,
из глубин вселенной
Возникнет, чтоб ладони отогреть...

Он скрыт во всем,
Ему лишь дай пробиться!
От лет древнейших
И по наши дни
Огонь в сердцах пророков и провидцев
Огню тому вселенскому сродни.

МАЛЬЧИКИ

На чердаках и в сумраке подвалов,
В кухмистерских, где толчея и чад,
Исполнеиы высоких идеалов,
Мальчишки о России говорят.

О мальчики российские!
Не вы ли
Мир потрясли когда-то в десять дней,
Комдивами садясь в автомобили,
Комбригами влезая иа коней...

Да, так же, как за книжками в подвале,
На сходке иль в студеической иоре,
Они исканье правды продолжали
Под знаменем и с шашкой на бедре.

Шли иа врага с тяжелыми полками,
Когда весь край мятущийся горел...
Попавши в плен, не заслонясь руками,
Спокойио выходили на расстрел.

В тот трудный час их укрепляла вера...
Сняв шлемы, белокуры и чисты,
Они стояли,
в дуло револьвера
Смотря глазами, полными мечты.

ОРКЕСТР

Копну могучей шевелюры
На струны скрипки уронив,
Скрипач пилил из увертюры
Какой-то сбивчивый мотив.

Флейтист был робок.
                                        Словно флягу,
Поднявши флейту в вышину,
Как в зной по капле цедят влагу,
Он ноту пробовал одну.

Но, вскинув пару тощих прядок,
Встал дирижер и подал знак,
И тотчас же обрел порядок
Оркестра шумный бивуак.

В молчании пред дирижером
Оркестр в колонне по пяти
Застыл,
            готовый по просторам
На смерть и подвиги идти.

И вздрогнул мир, и пали стены,
И даль темна и глубока,
И свет пожаров вместо сцены,
И звезды вместо потолка.

***

В сапогах огромного размера
Я вошел на цыпочках в музей.
Грозная Милосская Венера
Поднялась в беспомощности всей.

...Я прошел немало верст в пехоте.
Путь был труден.
Боже упаси!
Грязь такая осенью: шагнете —
И сапог останется в грязи.

Девушки лукавы и румяны
В гóспиталях были тыловых.
Тонкие и сложные романы
Заводил я с многими из них.

У меня неловкая манера —
Я гашу цигарку о каблук...
Ты стоишь, высокая Венера,
Выше моих радостей и мук:

«Вот я вся —
что значу и что стою,
Вот я вся —
как будто ото сна,
Страшная своею простотою,
Как волна, легко вознесена».

НАРЫ

О нары, царственное ложе!
Здесь можно выспаться в тепле,
И жестко спать, да лучше все же,
Чем просто на сырой земле.

Здесь ночью, завалившись скопом,
Храпела с вывертом братва,
Как подобает землекопам —
Не раскатавши рукава.

Здесь, бредя, издавали стоны,
Болтали явственно вполне,
Причмокивали, как сластены,
И даже плакали во сне.

А то как вдруг хвороба злая
Возьмет — не крикнешь: «Замолчи!»
И, кашляя, как будто лая,
Зайдется кто-нибудь в ночи.

Здесь с терпеливостью похвальной,
Лишенный сладостного сна,
Над печкой скрюченный дневальный
Сушил портянки докрасна.

Здесь заспанные, вроде пугал,
Друзья вставали, как с одра,
И шлепали босыми в угол,
Чтобы напиться из ведра.

* * *

Мне сохранить смогла судьба
Из молодости ранней
Пороховые погреба
Моих воспоминаний.

Живу в спокойном забытьи,
Но огонек запала
Лишь только стоит поднести,
И все тогда пропало...

ЖАЖДА

По ночам юнцов она снедала:
Где же вы, грядущие года?
Нет, подобной жажды идеала
Старый мир не видел никогда!

Голоса́ в крови грозны и древни...
Но она велит, чтоб до конца
Каждый шел:
                    в столице и в деревне
Брат на брата, дети на отца!..

И на сходке где-нибудь под липкой
С глупой ребятнею на руках
Бабы с зачарованной улыбкой
Слушали о будущих веках.

Сохранились дневники и письма...
Комиссары,
                    кончив путь мирской,
Умирали, к солнцу коммунизма
Руки простираючи с тоской...

Мучеников светленький веночек?..

...Бытие вся жизнь у них, не быт!
И глаза юны, хоть позвоночник
Шашкой перебит!

КОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ ПАРАШЮТ

Коль дергаешь ты за кольцо запасное
И не раскрывается парашют,
А там, под тобою, безбрежье лесное —
И ясно уже, что тебя не спасут,

И не за что больше уже зацепиться,
И нечего встретить уже по пути —
Раскинь свои руки покойно, как птица,
И, обхвативши просторы, лети.

И некуда пятиться, некогда спятить,
И выход один только, самый простой:
Стать в жизни впервые спокойным и падать
В обнимку с всемирною пустотой.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

На улице мне сладко было
Веселый запах встретить вдруг
Простого ягодного мыла...
О запах детских щек и рук!
О детства запах!
Сразу, сразу
Все то предстало предо мной,
О чем не вспоминал ни разу,
Что было где-то за войной.

Сейчас поверят в это разве?
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю:
Ибо
И странно это и смешно.
Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был!

Я, помню, не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.

Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И в каждом человеке толстом
Я буржуа подозревал.
Я знал про домны Приазовья
И что опять бастует Рим.
И я к друзьям пылал любовью
И был к врагам непримирим!

Мне вспоминается: вначале,
Надев с достоинством очки,
Меня детально изучали
Из Наробраза знатоки.
Я прыгал в зале неуютном,
Шнурки болтались башмаков.
Я был тогда ребенком трудным,
По утвержденью знатоков.
«Нацелим», «сдвинем», «обязуем» —
Я слышал чуть не целый год.
Я знал: я трудновоспитуем! —
И втайне был немного горд.
Но воспитательное дело
Торжествовало. Как-никак!..
Я стал завязывать умело
Свои шнурки на башмаках.

Средь стен казарменной окраски,
С вселявшей ужас чистотой,
Как радуга, цветные сказки
Нас поражали пестротой.

А Аполлон, что над фронтоном
Квадригу вздыбил над Москвой,
Бойцом казался пропыленным
В лихой тачанке боевой.
Мы путали легко и просто,
Ребята тех далеких лет,
Иван-царевича геройство
И информации газет.

Шпалерами стояли койки.
Мы знали, тощие мальцы, —
На посевные и на стройки
От нас уехали отцы.
Когда нас в зале Марь Иванна
В кружок под вечер соберет,
В бравурных звуках фортепьяно
Мы начинали хоровод.
Мы тоненькими голосами
Вели печально «Каравай»,
А Марь Иванна глазами
Грозила мне: «Не подвывай!»

Мы тоненькими голосами
Вели. А в глубине окна
Мерцающими корпусами
Светилась новая страна.
Во тьме деревня за деревней
Шатались в снеговой гульбе,
И хаос горестный и древний
Протяжно запевал в трубе.
Проснувшись полночью в постели,
Обняв колени, в тишине,
Мы, не стирая слез, глядели
На вспышки дальние в окне...

Срок воспитанья был недолог —
На счастье или на беду,
Педолога сменял педолог,
Как бы играя в чехарду.
Передо мной, как кинолента,
Мелькали лица. Рад не рад —
Объектом для эксперимента
Я неплохим стал, говорят.
За методом сменялся метод,
Был графиками полон зал.
Тот все кричал, сюсюкал этот,
Тот кутал, этот закалял.

А где-то мать в платочке белом
Шла в громкие цеха чуть свет
Напористой завженотделом —
Ей было двадцать девять лет.
Рожь вымерзла в тот год на пашнях,
— Дай хлеб! —
Был краток разговор,
И сотни страшных глаз запавших
Глядели на нее в упор.
В тот год ни воблы, ни конины
Не продавалось в городах.
Российский снег давил на спины
Томящихся в очередях.
Непринужденны и форсисты,
В очках и с острым кадыком,
Среди народа интуристы
Гуляли важно с «кодаком».
Средь строек, вшей, недоеданий
Их поражала неспроста
В России глубина страданий
И идеалов высота.

В узорах ризы золотые,
Затейливый иконостас —
Забавы грозной Византии,
Из тьмы дошедшие до нас.
В церквушке было тесновато,
Мы стали с бабкой в уголок.
О счастье рая, муке ада
Летел псалом под потолок.
Стоял я с безучастным взглядом,
Без содрогания в душе,
Стоял под раем и под адом,
Катая за щекой драже.

Отец смотрел на вещи строго,
Отец не баловал меня.
Побаивался я немного
Его солдатского ремня.
То время было, как точило,
А я, как лезвие, малец.
— Будь справедливым, — мать учила.
— Упорным будь, — учил отец.
А я любил разлив природы
И тесноту вечерних звезд.
Смотреть, грустя, на пароходы
Я выходил на Крымский мост.

Мы незаметно подрастали.
Весь мир нам во владенье дан!
Мы в пионеры поступали,
Мы колотили в барабан.
Хлестали ветки нас по коже,
Пылали в небе вымпела...
Моя любимая, ты тоже
Ведь пионеркою была!
Ты в белой блузке с синей юбкой

Дежурила, полы мела́.
Смешливой, трогательной, хрупкой
Ты пионеркою была.
Мы шли полями.
Пел вожатый
И знамя на плече держал.
В худой руке моей
Зажатый
Горн холодеющий дрожал.
Под песню маленького люда
Горел костер в лесу светло...

Так жили, жили мы,
Покуда
Вдруг отрочество не пришло.
Мы стали хмуры, неуклюжи...
О возрастная полоса,
Когда затвердевали души,
Когда ломались голоса!..
Ходили, широко шагая,
Пух появился над губой...

Но это уж пора другая,
А значит, разговор другой!

* * *

Стихам своим служу. Я, как солдат, пред ними
Навытяжку стою. Как я дрожу
Под взглядом их. С ребячьих лет доныне
Им, своенравным, я принадлежу.

Где жалость? Милосердье? Час едва ли
Я счастлив был! Спокойствие мое?
Они меня средь ночи поднимали
К столу.
Так поднимают лишь в ружье!

Я верен им во всем. В любви. И в быте.
Гоняли по земле. Загонят в ад.
А при смерти им прохриплю:
— Простите,
Коль был я перед вами виноват!

РИСК

Все в мире начиналось с риска.
Я в руки передал из рук —
И все ж к учителю записка
На физике попала вдруг.

Что в мире может быть без риска?
Вдруг как-то встал
и по путям
Пошел, и сразу ж дом, прописка,
Семья — вся жизнь! — летят к чертям.

Мир — это риск.
Все мирозданье
Как будто бы накренено.
А как опасно прорастанье?
Всегда на риск идет зерно.

Быть в мире, не рискуя — низко,
Ведь мы же быть хотим людьми!
В конце концов, и зубочистка
Подчас опасна, черт возьми!

Легко ль хожденье по канату?
Немного побледнев с лица,
Как сладко разбирать гранату
Неведомого образца!

И прожит день, считай, без толка,
Коль не было в тот день высот,
Но сразу ж славно жить, лишь только
Под ложечкою засосет.

Как смело верх берет хористка!
Рыбак рванул — сорвется сом!..
Ведь злая соль святого риска
У нас подмешана во всем.
Вдруг в рост подняться на траншее...
И не поставят обелиск!

...Но нет фундамента прочнее
Для наших дел земных, чем риск.

* * *

Широко глаза расставлены,
И хитрят, хитрят слегка,
Эти синие хрусталины
Из-под низкого платка...

Молодые и безгрешные,
Очи ясности полны,
Мою душу отогревшие
Посреди большой войны.

В избах около Мукачева —
Издавна заведено —
Девки песни пели вкрадчиво
И вилось веретено.

Песни были все неясные,
Непонятные для нас.

Розы белые и красные
Повторялись много раз...

*
* *

Характеры шумят, как лес,
Бушуют, так как в результате
Важна не разница телес,
А разница в душевном складе.

Вот этот на собраньях жмет
И точку зренья выражает...
А дома из журналов мод
Красоток тонких вырезает.

А тот — ничтожен, неглубок.
Остроты низковаты сортом.
Но лишь за стол воссядет — бог! —
К любимым колбам и ретортам.

А этот — как святой. Молчит.
Стрижет с утра сирень да розы.
А по ночам, подлец, строчит
Наигнуснейшие доносы.

Несет характер по кривой
Оторопелого иного.
Об столб ударит головой —
И тут же все начнется снова, —

В полет! Уже и сам не рад!
Опять свистящими кругами.
«Такой характер! — говорят. —
Что делать?!» — разведут руками.

Глядишь — мужчина. Сам в соку.
Дороден, с белыми висками.
А в нем характер — как в суку
Волокна — странными витками.

О антропос! Что ты? Вопрос!..
Я сложностью всей этой донят.
И ангел зарычал, как пес!
Всплывает камень. Щепка тонет.

Но средь всей этой кривизны
Есть тот, что, гибель принимая,
Стоит, прищурясь, у стены
Прямой. На свете есть прямая.

***

Двадцатый век,
он пахнет Освенцимом.
О вечные, где вы,
добро и зло?

Чуть горьковатым
погребальным дымом
сияющую даль
заволокло.

Двадцатый век.
Горят глаза тупые.
Орущий рот
и вымокшая прядь.
Он отравился...
В поездах слепые
его не скоро
кончат проклинать.

Двадцатый век.
К чему века учебы!
Он мимо вас прошел,
двадцатый век,
музейных залов
древние чащобы,

дремучие леса
библиотек.

Двадцатый век.
Протянутые горсти
сирот,
глотавших горькую слюну.
Вон — рвы и рвы.
Там черепа и кости
на двадцать километров
в глубину.

Двадцатый век...
Бродивших по дорогам
среди пожаров
к мысли привело:
легко быть зверем
и легко быть богом...
Быть человеком —
это тяжело.

АДАМ

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы,
и, руку
Заведши за голову,
задремал.

Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.

Своих детей он видел!..
В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

* * *

— Помню, вышли мы к устью Дуная...—
Еле слышный идет разговор.
Над трубою луна слюдяная,
На луне ледяной узор.

...А в полях, до тех мест,
где отроги
Дальних гор, до чужой стороны,
Под снегами лежали дороги,
Еще теплые от войны.

ИЗ ЭШЕЛОНА

Вдоль дороги березы стеною
беспокойны, легки и чисты.
Посадили их люди весною
от великой своей доброты...

Кто те люди? Их мир позабудет?
Где их дом? Где родные места?..

...Пусть судьба их безвестная будет
беспокойна, легка и чиста.

* * *

Отец, папаша, батя
не ведал докторов,
с медслужбою не ладя,
был тучен и багров...
В семнадцатом когда-то
он сапоги надел...
С тех пор удел солдата
и был его удел.
Когда, я помню, даже
он спал, то сквозняки
гуляли и на страже
стояли сапоги.
Он был на слово краток,
как истый строевик...
И был в уме порядок,
лихой солдатский шик!
Он был такого сорта,
что знал: вот — да, вот — нет,
он был уверен твердо,
что значит: тьма и свет...

ОТЕЦ

Какие недостатки у отца?..
А недостаткам этим нет конца!
В каком-то раздражении глубоком
Он стукнет об стол, покраснев с лица,
И выгонит, и не моргнешь и оком.
Начнет рядить, а начал ведь умно!
Но заталдычет вдруг одно, одно:
— Да ты, браток, мозги себе прочисти!
...Но качество ему одно дано,
И качество такое: бескорыстье!..

***

Есть такие —
как кони пасутся
Или словно попали в полон...
Но великий огонь «безрассудства»
В одиноких сердцах запален!

Вот какой-то смиренный священник.
Что-то пишет, согнувшись слегка...
А его называют Коперник!
И его не забудут века!

Вверх ракета уходит упрямо.
И плывет в Антарктиду моряк...
Все сильней разгорается пламя,
Освещая немыслимый мрак!

* * *

Крестились готы.
                                    В водоем до плеч
Они входили с видом обреченным.
Но над собой они держали меч,
Чтобы кулак остался некрещеным.

Быть должен и у кротости предел,
Что б заповедь смиренья ни гласила...
И я кулак бы сохранить хотел.
Я буду добр. Но в нем пусть будет сила.

НЕБО

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.

Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.

Мучительны его загадки —
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно,

То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!

Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат.
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!

Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет, и вот
Полоска узкая лазури —
Как будто бритва полоснет.

Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.

И кажется, что скоро, скоро
Оно вдруг рухнет,
но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.

Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.

...В отличье от всего на свете,
Ему конца и вправду нет.

***

Мир разлетелся в две стороны:
С луною и без луны.
Тонкие рельсы настроены
Строем тревожной струны.

По ветру воет чудищем
Поезд.
В окно взгляни:
Видишь березы, что в будущем, —
Вон уже в прошлом они!

Окна закроем,
холодом
И лесом вагон проветрив.
Двадцать минут до города.
До полночи пять километров.

ЛЕБЕДИ

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась — хоть убей.
Условье было трудным у задачи.
Дано:
«Летела стая лебедей...»

Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал — не шли дела на лад!
Но лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно:
вот они — летят...

Они летят под облачною гущей
С закатом, догорающим на них.
Закинул шею тонкую ведущий
Назад и окликает остальных.

Они на миг спускаются напиться
В лесок, к озерцам, и опять летят
Победно распластавшиеся птицы,
Подбадривая слабых лебедят.

Простор небес они крылами били,
Снегам вершин и облакам сродни!..
Никто представить бы не мог, что были
Из школьного задачника они.

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сетованья были не с руки.
Мой ямб лехотный прислособлен плохо
Для грусти, для признаний, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в зтом нет греха...

А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

* * *

В час постелей,
Ко сну приготовленных,
В час
Заоконных ветров,
Забирающих круто,
В глуби ванной, в тепле,
Возжигается газ,
Как лампадка
Всесильному богу уюта.

В этот час
Где-то чай не спеша кипятят,
Где-то стол накрывают,
Ведут разговоры.
Встав на цыпочки,
Жены в халатах до пят
Опускают над ночью гремящею
Шторы.

Только я свой уют
Представляю не так:
Вечно славить бы мне
Взявшую скорость
С разгона
Через села и реки,
Сквозь ливень и мрак,
В клубах пара летящую
Полку вагона.

* * *

Если в поле, где-то в дальней дали,
Я от пули навзничь упаду,
Чтоб немедля милую позвали,
Попрошу я при смерти в бреду...

Встанет сад, пестреющий гвоздикой.
Дачный полдень. Детский небосвод.
Девочка в переднике и с книгой —
Первая любовь моя придет...

«Нет, — скажу, — у милой злее речи!
Дерзче взгляд. Платок сорви рукой! —
Волосы вдруг выльются на плечи
Жесткою свободною рекой».

Прошепчу: «Прощаю все, что было,
Что там помнить — минули года!
Что ушла, забыла, разлюбила...
Дай с тобой простимся навсегда!»

***

Я слово вдохновенье не отдам...
Пусть ретроградом прослыву за это,
Его прочел я в детстве по складам
В помятой книге древнего поэта.
...Пророк в сердцах, как искру, выкресал
Из камня воду.
                    Кутаясь в овчину,
Вздымал он руки к небу.
                    Сотрясал
Припадок вдохновения мужчину.
Быть вдохновенным — то мужской удел.
Не выйдет прорицателя из труса.
Одним рывком подняться за предел
Рассудочности,
                    встать над гранью вкуса!
Эй, смельчаки, а ну-ка, кто из вас,
О всем забыв — о собственной особе! —
Так воспарит —
                    и слезы чтоб из глаз,
И чтоб, как током, затрясло в ознобе!
...Мне не дана рассудочности власть,
Сквозь жизнь мою меня несет кривая.
И я хотел бы жить, и я хотел бы пасть,
Бездумные глаза на вечность подымая.

* * *

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Горькая отрада —
Познать ее! Начало всех начал —
Жестокий опыт. Нет дороже клада,
Чем знанье жизни. Прежде по складам
Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите? — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,
сам
он все добудет снова.

ДЕТЕКТИВЫ

Авантюрным сюжетом
бываем
захвачены мы,
трудно щурясь
при этом
в мелькании
света и тьмы.

Словно в печке
поленья,
горим на незримом
огне:
так как
от преступленья
в нас что-то дрожит
в глубине.

Мерой высшею
меряй!..
Пред нами
где правда,
где ложь?
Вот он, фильм,
в десять серий,

бросающий
в крупную дрожь!

Кто там?
Агенты МУРа?
Разведчики
в стане врага?
Или ж так — авантюра?
Нам выдумка
всем дорога!..

Книга равная —
хлебу!..
Иль мы вдруг
попали впросак:
это все на потребу
строчила орава
писак?!

Пусть же
элементарны
характеры,
факты — вранье...

...Человек
хочет тайны
и хочет
разгадки ее!

Может так:
худо-бедно...
Но это не наша
вина!

Человеку
легенда

всю жизнь, до кончины,
нужна!

Отболеет,
как тифом...
Бывает!
Но чаще-то вот:
человек
дышит мифом,
он только лишь им
и живет!

Детективное чтиво
чесотке,
быть может,
под стать...
Мы способны
ретиво
читать,
и читать,
и читать.

Нас закружит
интрига
и за собой уведет!..
...Стопудовая книга
глотается,
как анекдот.

***

Беги и на троллейбусе повисни.
Неси батоны — валятся из рук!
Великая неимоверность жизни
Все охватила, завертев, вокруг.

И даже если бы тебя прибили
Гвоздями ко кресту — в минуту ту
Ты бы молил, должно быть, о пломбире —
О, как ты рвешь обертку на ходу!

Журналы мод, какой пучок на даме!
И, жить желая, батальон девчат
Уселся в парикмахерской рядами —
На них пучки воинственно торчат.

Побеги кверху бьют сквозь щели досок
В платформах Подмосковья из земли.
Так жить хотят! Иль, как библейский посох,
То, может, сами доски проросли?

В саду малец меж стеблей молочая
Сидит один средь синевы высот,
Он хочет жить, о том оповещая
Весь мир,
он погремушкою трясет!

Как дикари, что рушат тяжесть палиц
На всех, кто только тронет их жилье,
Жизнь уничтожит всякого, кто палец
Поднять, сердясь, посмеет на нее.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В усадьбе с колоннами — в центре поселка
Музей краеведения расположен...
Тут чучело цапли. А рядом двустволка
Тургенева. Ржавая сабля без ножен.
Какие-то кости и бляха: находки
В разрытых сарматских курганах. И видов
Различных густые сапожные щетки —
Их выпускает артель инвалидов.
Портрет: дама в локонах белых. По сини
Овальное личико. И опахало.
Когда-то играла на клавесине.
Гусара ждала из похода. Вздыхала!..
Стою посредине. Торчат мои уши.
И шея вытягивается. И к даме
Мое подымается сердце. И лужи
От снега растаявшего под пимами...
История, что же мне делать с тобою?
Вдоль шлемов, что цветом горят побежалым,
Вдоль стертых пищалей неслышной стопою,
Как кошка — побежкою, движусь по залам.
О чем говорят они, эти предметы?
Осколки кувшина. Лоскутное знамя...

Мы мчимся вперед, и — как хвост у кометы —
Прошедшее вытянулось за нами.

* * *

Жизнь — зто конь, что рвется из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь метя...

Жизнь может вдруг подмять — и я ходил
С рогатиной на жизнь, как на медведя.

Жизнь — это бойкий ботик посреди
Бездн и высот. Греби же, бел от злости...

Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

ОТЧИЙ ДОМ

И сколько в жизни ни ворочай
Дорожной глины, вопреки
Всему ты в дом вернешься отчий
И в угол встанут сапоги...

И пусть — хоть лет под девяносто —
Старик прошамкает: «Сынок!»
Но ты принес свое сыновство
И положил его у ног.

И радость новая, как завязь...
Хоть ты от хижины отвык —
Ты, вырвавшийся от красавиц
И от стаканов круговых.

...Пусть в поле где-то ночь пустая.
Пусть крик и песня вдалеке.
Ты всё забудешь,
припадая
К покрытой венами руке.

***

Платья пошила —
ах, больно уж марки! —
Весна-мамаша черемухам-дочерям...
Это было в высоком провинциальном парке,
Где играет оркестр по вечерам.
Там лохматые сосны с липами сплелись,
И у кленов размашистых много причуд.
Там кружат офицеры —
какая прелесть! —
С девушками, склонившимися к плечу.
И там, в глубине, у самого края,
Где забор накренился, парк окаймя,
Была у меня одна —
ах, дорогая! —
Со вздохом мной вспоминаемая скамья.
Там перекрашивались синею мастью
Косы в русалочьи наяву.
Там было немного — помню! — настоящего
счастья
И немного вальса, проникшего сквозь листву.
Сейчас там осень. Валежник. Галки.
Не вчера это было и не позавчера!..
...Это было в высоком провинциальном парке,
Где играет оркестр по вечерам.

МУЗЫКА

Стихия музыки —могучая стихия.
Она чем непонятней, тем сильней.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.

Она и невидна и невесома,
И мы ее в крови своей несем.
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.

Покинув помещенья нежилые,
Вселившись в дом высокий, как вокзал,
Все духи музыки — и добрые и злые —
Безумствуют, переполняя зал.

Сурова нитка музыкальной пьесы —
Верблюд, идущий сквозь ушко иглы!
Все бесы музыки, все игровые бесы,
Играючи, хотят моей игры.

Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво обольщала
Людей на протяжении веков.

Вакханки в исступлении зверели,
В поля бежали, руки заломив,
Лишь только на отверстия свирели
Орфей клал пальцы, заводя мотив.

Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою неимоверную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору.

ЗЕРКАЛА

Один идет, чтоб пасть в дыму сраженья,
А этот — ни двора и ни кола...
Но есть она, потребность отраженья,
И требует, чтоб были зеркала.

Чтоб на стене они под стать обоям
Мерцали в рамках на старинный вкус,
Чтоб можно было лихо перед боем
Накручивать кудрявящийся ус.

Иль, насбиравши в торбу за день корок
И перестав тянуть гнусаво нудь,
Сесть тихо, вынуть зеркальца осколок
И наконец-то на себя взглянуть:

«Да, весь в пыли, но близко до ночлега.
Морщинки что-то возле глаз — устал...»
Чтоб лик нерукотворный человека
В ладони вдруг негаданно предстал...

...Лишь посмотри — и как на фото снято!
И, трещинку потрогав на губе,
Сказать: «Эх ты!» Наверно, это надо...
И улыбнуться самому себе.

* * *

Нам имена их вспомнятся едва ли...
Обняв девчонок, мы в полночный час
Истории такие заливали,
Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит,
Молокососы и говоруны,
Мы рассуждали, что имеем опыт,
Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек
совсем не шла в расчет.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы.
Мы немало повидали.
Нам горько, что в оставшихся вдали,
В тех девочках тогда не угадали
Того, чего мы так и не нашли.

* * *

Уж коль романтик, он всегда романтик...
Дожив до синеватой седины,
Лишь только чуть сползет с тахты ревматик,
Кряхтя,
        и снимет саблю со стены.

Ему подай дела большого плана!
В краю торосов и ночных охот
Он, свесившись за борт аэроплана,
Ладошкою зимовщикам махнет.
За горсть золы пустой и струйку дыма
Он все отдаст, собравшись на ночлег...

...Романтика ничем не объяснима.
Как мир. Как жизнь. Как смерть. Как человек.

ИЗ ЦИКЛА «РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ»

ВЫСОКОМЕРЬЕ

А в департаменте тогда скрипели перья.
И вот пыхтящий, в ленте голубой,
Министр уселся,
от высокомерья
С противно оттопыренной губой.

Он взял перо гусиное устало.
Песочница стояла на столе...

Высокомерье пышно расцветало
В забавных завитках факсимиле.

А в окнах — шпиль, снега. Двенадцать било!
Промчал фельдъегерь — облачко взвилось...
И это все высокомерье было,
Хоть и столицей северной звалось.

Потом дворец. И белый дым камелий.
Вошел, закинув высоко главу...

О, эта встреча двух высокомерий
С бокалами в руках на рандеву!

Недаром же лохматый, после порки,
Сплясать готовый за пятак бочар,
В портах спадавших и в одном опорке,
Не выдержал. «Быть пусту!» — закричал.

ГЕОМЕТРИЯ

О, Петр, ведь ты построил город
Не для умерших — для живых?!

Тяжелый дождь бежит за ворот
Окаменевших часовых.

Пронзительны аллеи парков.
Прямы проспекты, как стрела.
Сильней божественных монархов
Здесь геометрия была.

Был нежен в башнях цитадели
И кроток лепет голубиц...

И страшные на мир глядели
В окно глаза цареубийц.

Гуляют каменные финны.
Курятся трубки из бород...

Вот и построили Афины
Средь топей северных болот!

Налево львы. И львы направо...
А у заставы инвалид.
Штык держит вертикально прямо,
Как Геометрия велит.

В НАЧАЛЕ ВЕКА

Столетние гати, оттаяв,
Зыбки. Дух от хлябей тяжел!
Всё ждали: Платон Каратаев?..
А это Распутин пришел.

Как плакала бабка украдкой!
Уже седина в бороде,
А дед мой дерется закладкой
На пасху в Свечной слободе.

Юнцов тогда жажда снедала.
Колонны снежок порошил,
Покуда топор Идеала
Российские будни крошил.

У банка цыганки гадали —
Отбиться нельзя, как от пчел!..

Играет отец на гитаре.
Он книжечку Милля прочел.

Каурый, саврасый и пегий
Храпят. Так и рвутся из рук!

И тройка российских элегий
Тачанкою сделалась вдруг.

БАЛЫ

Балы! От шпор до штукатурки,
От люстр до коков — все дрожит...
Вон — Пестель, он летит в мазурке!
Вон — с дамой Батюшков кружит!
Трещат вощеные паркеты.
Солдаты дуют, молодцы!
Кружат сановники, поэты,
Тираноборцы, мудрецы.

Стихи — в альбомах женщин милых!
Трактаты — в дружеском письме!..
Как все легко!
Мазурка в жилах,
В душе мазурка
И в уме.

Всего каких-то полтораста
Иль двести продержалось лет...
О мир танцующий дворянства,
Тебя уже в помине нет!
Твои подметки отстучали!..
Ты так был яростно спален,
Что средь псковских болот торчали
Лишь камни эллинских колонн.

Не здесь ли тот писал когда-то,
Что был лишь истиной влеком,
В шелку тяжелого халата,
Дымя янтарным чубуком?

А ведь от вольтерьянских максим
Не так уж долог путь к тому,
Чтоб пулемет системы «Максим»
С тачанки полоснул во тьму...

* * *

О сострадание! Нет грознее силы!
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость! Он хватает вилы
Спасать несчастных!
Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных пыток.
На каторгу пойдет,
пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!
Встают с дрекольем села.
Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом камзола
Утер слезу,
увидев сироту.

ВАГОН В 1918 ГОДУ

Казалось, лишь представься случай —
И в щепки разлетится он:
Трещал певучий и скрипучий,
Вконец раздерганный вагон.

И средь толчков вагонных резких
Ворчащий проводник пронес
Фонарь над водорослями женских
Тяжелых спутанных волос.

Ругался кто-то:
— Тише, леший! —
Солдат храпел впервые всласть,
Измученный, переболевший
И возвращающийся в часть.

Вверху шептались воровато
Мешочники,
и из мешка

На спину серую солдата
Бежала струйкою мука.

И в густоте махры и храпа
Дремал мужчина средних лет:
Крылатка, бант, пенсне и шляпа —
Столичный, видимо, поэт.

Потряхивая пышной гривой,
Он чутко вздрагивал во сне,
Холодной бабочкой пугливой
Дрожало хрупкое пенсне.

Вагон качался монотонно.
Мужчина шамкал пухлым ртом,
В руках был номер «Аполлона»
И тонкий Анненского том.

Солдат храпел, худой на диво,
Усталый, желтый, чуть живой,
Поникнув бритой после тифа
Остроугольной головой.

То был отец мой!
Он был молод,
Он фантастичный видел сон:
Весь голубой, стеклянный город
И небо будущих времен.

Его куда-то уносило,
Во глубь неслыханной нови́...

И мчалась за окном Россия
В слезах, пожарах и крови.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Тому вовек рассудком не понять
Страну мою,
как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез
слова «Интернационала».

Практичен Запад и нетороплив,
Параграф, чтущий, делающий дело...
Страна моя,
прекрасен твой порыв
Во всем достичь последнего предела!

...Я верю: будет —
пусть идут года! —
Мир и довольство...
Но еще не знала
Вселенная от века никогда
Такой великой жажды идеала...

2

* * *

Дайте полиочь с луною в мои осторожиые руки,
Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
Я ие трону ее, только в шумы и звуки
Аккуратио проставлю кой-где ударенья...

Дайте плотные ливни и молиии мая,
Закоулки лесные и даль заревую.
Я листа ие сомиу, стебелька ие сломаю,
Только шелесты трав и берез зарифмую...

Дайте полиые неба речиые затоиы,
В острых искорках звезд, и откосы крутые,
Я в полях предвечериих травинки ие троиу,
Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые...

* * *

Как хорошо лицо свое иметь...
Тот смотрит робко, этот смотрит гордо.
Тот любит в лодке с удочкой сидеть,
Другой в восторг приходит от кроссворда.
Походка есть у каждого своя,
И каждый носит шарф, какой захочет.
На шутку у того чуть дрогнут губ края,
А тот как сумасшедший захохочет.
Как хорошо, что каждый не похож
На своего соседа! И прекрасно,
Что он и я — мы не одно и то ж.
Стоим — кто как. Прикуриваем — разно.
О яростная эта пестрота!
Свое лицо мы добываем с бою.
Страшимся мы, как видно, неспроста
Быть, как икринки, схожи меж собою.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Тот в Гватемалу, а другой на Кубу.
Один с вокзала, этот на вокзал.
А я пошел по направленью к клубу.
Пришел. Бутылку пива заказал...
Быть может, где-то, виски попивая,
Глядите в синем аэропорту,
Как потолка великая кривая
В прямую обрывается черту,
И снова закругляется, и снова...
Друзья, вы так спокойны!
                                        К сроку сдан
И движется до лифта подвесного
Ваш в лаковых наклейках чемодан...
И тяга к путешествиям —
                                        а я-то
Всегда считал: мол, в детстве умерла! —
С тяжелой каплей ласкового яда
Вдруг больно входит в сердце, как игла...
Я вижу гималайские просторы,
Где виснут накрененные орлы.
И даль, где пальмы воткнуты в атоллы,
И паруса,
                    то сини, то белы...

ВРЕМЯ ХЛЕЩЕТ

Ты задумался. Или ты болен.
Или замер с котлетой у рта...
Время хлещет — вот так из пробоин
Хлещет в трюм что есть силы вода.

Ты балетом любуешься. Или
Спишь, укрыт одеялом по грудь...
Время хлещет, как будто забыли
В кухне кран до конца завернуть.

СОЛОВЕЙ

Среди листвы работал соловей...
Бей в наковальню! Глыбами ворочай!
Пуды под звезды подымай! Живей!
Как потный грузчик и чернорабочий.

Бей в наковальню! Бей! Гранит дроби!
Ночной певец, не знающий износа.
Пой в темноте! Свой страшный труд люби
Молотобойца и каменотеса.

Ломай дубы! Вей кольца из ветвей!
Копай суглинок, за плечо кидая!
...Среди листвы работал соловей.
Всю ночь работал рук не покладая.

В БУМАЖНОМ ОТДЕЛЕ ГУМа

Под потолок бумаги писчей
Пласты, пласты —
тут на века! —
Готовы стать духовной пищей.
Для верстки. Для черновика.

Рулоны ватманской бумаги.
Когда б один такой рулон
Скатился,
то в универмаге
Он страшный бы нанес урон.

Бери квадрат бумаги белой.
Размер — не меньше простыни!
Расчеты по хозяйству делай
Или трагедию начни!

...На небоскреб бумаги глянув,
Меж глянцевитых стен зажат,
Я ахнул: миллион романов
И тыщи повестей лежат.

Здесь все для умственного пира,
Тюки с бумагою валя,
Тут продавщицы ждут Шекспира,
Толстого, Ибсена, Золя.

Блокноты в клетку и без клеток
Лежат навалом у стены:
Для изречений, для заметок
Они, видать, припасены!

А рядом общие тетради.
Они стоят обрез в обрез.
О многотысячные рати
И с переплетами и без!

...Стою, задумчиво листая:
Для туши. Для карандаша.
А вот — я щупаю — простая,
Для исповеди хороша...

МОИМИ ГЛАЗАМИ

Я весь умру. Всерьез и бесповоротно.
Я умру действительно.
Я не перейду в травы, в цветы, в жучков.
От меня ничего не останется...
Я не буду участвовать
В круговороте природы.
Зачем обольщаться.
Прах, оставшийся после меня, — это не я.
Лгут все поэты! Надо быть беспощадным.
«Ничто» — вот что
Будет лежать под холмиком на Ваганькове.
Ты придешь, опираясь на зонтик,
Ты постоишь над холмиком,
Под которым лежит «Ничто», потом вытрешь слезу...

Но мальчик, прочитавший мое стихотворение,
Взглянет на мир моими глазами.

***

Она бывает там, где все вразброд.
Нет глуше, сокровенней, своенравней,
Чем музыка, что вдруг плеснула в борт
Иль поздней ночью громыхнула ставней.

И чую: бездны темные дрожат,
Как будто доски зыбкого настила.
И был мой рот нетерпеливо сжат,
И волосы куда-то относило.

И влажно били ветки по плечу.
Когда ж пустая синь на небосклоне,
Я, запрокинув голову, кричу:
— Пролей немного музыки в ладони!

* * *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.

В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.

На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?

За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой...
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

АКЫНЫ

1

О, как мудры акыны и наивны!..
Степенные уселись гости в ряд.
На девочке горят, как солнце, гривны,
На аксакале — дорогой наряд.

А сам акын беспечно заголяет
На пиршествах засаленный рукав
И, распалясь, по струнам ударяет,
Как голубь, чист и, как змея, лукав.

2

Нет никого загадочней акынов!..
Поев солидно,
Прислонясь к ковру
И сытым взглядом родичей окинув,
Он начинал настраивать домбру.

И с алых губ, лоснящихся от сала,
Под небо песнь печальная летит!..
Тоскуя, пряжу женщина бросала,
Уныло щеку подпирал джигит.

Закат вдали,
За юртой, догорает...
Но звук высокий оборвался вдруг,
И лирик пот с мясистых щек стирает,
И плачут все сидящие вокруг.

3

Легки акыны в этой жизни краткой!..
До света, чтоб не разбудить родню,
Из юрты женской он идет украдкой
К привязанному с вечера коню.

Ширь оглядев от края и до края,
Он запоет,
пустив коня в намёт.
И так он скачет степью, собирая
Яд красоты и размышлений мед.

МАРСИАНЕ

К. Ваншенкину

Не стоит предугадывать заране,
И я гадать не стану наперед,
Но нас, быть может, встретят марсиане —
Степенный и общительный народ.

И, видя наши гордые осанки
И головы в космических очках,
В платок по-бабьи прыснут марсианки
С грудными марсианами в руках.

Там так же все, как на Земле.
Бескрайна
Вселенная в непроходимой мгле...
Там та же все обыденная тайна,
Такая же, как тайна на Земле.

ЗРЕЛИЩА

Ты незаметно все-таки созреешь
Для постиженья острой новизны.
Ты ночью возвращаешься со зрелищ.
Ты будешь спать. Ты будешь видеть сны.

Я полагаю, нету балагана
Пестрей, чем жизнь. Я в памяти припас
Гром мотоциклов, пафос барабана,
Веселость масок и тоску гримас.

Я говорил: и если ты не робок
И если не боишься пестроты,
Иди вперед. Есть много в жизни тропок.
Иди по ним и... только ахнешь ты!

Вот мы живем. Немножко что-то ноем:
Все, дескать, будни. Нету их мелей.
Вдруг зрелище: выносятся прибоем
Сверкающие чудища морей.

Доводит до безумья страсть иная.
Я зрелищ раздражающих алкал,
От гонок мотоциклов начиная
До комнаты кривлявшихся зеркал.

И зрелища передо мной плясали.
То яркость охр, то желтизна мастик!
И, как картошка жарится на сале,
Шел треск от фейерверков и шутих.

И подползали зрелища, как звери,
И делали вокруг меня круги.
Глаза сверкали. Пасти розовели.
Приоткрывались медленно клыки.

А скоморохи выставляли рожи,
То хохот, то тоску изобразя.
Я наблюдал процессии — и строже,
И чопорней вообразить нельзя!

Чего-чего, а зрелищ было много!
Смешней, чем цирк, страшнее, чем расстрел.
В сообществе с людьми — не одиноко —
И я на эти зрелища смотрел.

Толпа, как тесто — нет трудней замеса...
Взбегает в небо планер по жнивью.
Клубится литургия, стонет месса.
И в юбочках выходит «Айс-ревю».

Был стадион пестрее, чем саванна.
Плясал мулат, сняв шапокляк, в бистро.
Вот зрелище ночного котлована —
Все в огоньках гигантское нутро!

Как мы тогда во все глаза глазели!
Я так же изумлялся, как и все.
И я летел, кренясь, на карусели.
На чертовом кружился колесе.

Китайские иа стеиах ходят тени.
На рииге клоуи прыгает — иосат.
Миг — и балет классический на сцеие,
Спускается, как авнадесант!

И все казалось мало, мало, мало.
Я всасывал в глаза свои балет.
Тогда адмнинстрация взимала
Уж четвертиую плату за билет.

Бежалн кони группкой разиомастиой.
Мы, вымокшие, жались у перил.
И, словио тяжкой схватываем астмой,
Я воздух ртом в отчаянье ловил.

Нам что! А им, актерам, может статься,
Невмоготу. Так за верстой версту
Шла женщнна дорогой трудной танца
В сверкающей туиике и в поту.

Мы ежились иа зрелищах, как в душе.
Бежали к ним, как в поле, как в леса.
И зрелища иам раздирали души
И подымали дыбом волоса.

Но все-такн есть н дряииой иародец,
Что ожидает, стоя вдалеке:
Когда ж сорвется вдруг каиатоходец,
Когда ж пилот ие выйдет нз пике?

Но есть на свете зрелнще за гранью,
Как говорнтся, и добра н зла.
Гремнт киргизский праздиик козлодраиья,
И кровь толчкамн хлещет нз козла,

Я верую в необозримый тезис,
Что этот мир был создан напоказ!
Я видел как-то, с самолета свесясь,
Извилистый, как будто мозг, Кавказ.

И, на глаза не надевая шоры,
Я жил. Входи! Давай — билет купи!
Мои глаза, как будто два обжоры,
Все смачно пожирали на пути.

Но фильм подчас закрутят в десять серий!
И мы почти уж падаем без чувств
При зрелище немыслимых мистерий
Публичных таинств и святых кощунств.

Чуднее свадеб и ужасней боен.
Тянулся, как слепец к поводырю!..

Закинув руки, средь травы, спокоен,
Сейчас я в небо чистое смотрю.

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Есть белорусское село —
Все с ясно-синими глазами.

С ведром, босую, у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.

В шинельке —
видно, был солдат —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.

Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.

Пять у забора молодух.
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.

Девчата.
Скромен их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня, —
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть!

Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

ТВОРЧЕСТВО

Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла —
от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал — назад уж нет возврата,
Когда он первобытным кулаком
Стирал слезу светло и виновато.

Косматый, дикий, шкура за спиной,
Лицо разодрала ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

* * *

Мне писалось лучше в поездах —
В тамбуре набитой электрички.
В самых неожиданных местах,
В силу вкоренившейся привычки.
В час, когда купать детей зовут.
Иль в аптеке покупаешь мыло.
В кассу стать бы надобно — а тут,
Смотришь, вдруг под вздохом защемило!
Мне писалось лучше у врача
В миг, когда сидел я, раскрывая
Рот,
    рукою между тем ища
Карандаш в кармане...
                                        И живая
Та строка, что мне являлась там,
Где вовек не сыщутся чернила,
Из глубоких будней к высотáм,
Как в горах тропинка,
                                        уводила.

СЛОВО

Священное уменье говорить.
Произносить слова и строить фразу.
Как просто это: стоит рот открыть,
И чудо слова возникает сразу.

Как ты проста, осмысленная речь!
Приставка. Окончание. Основа.
Вождь длань простер вперед:
ему увлечь
Дано людей в огонь — он знает слово!

И, принятое в множество голов,
Оно свое вершит упрямо дело.
Я знаю: люди состоят из слов,
Которые им внутрь вошли,
и тела.

И слово движет. И земля горит!
И в небо вилы вздеты! Тьма багрова...

Могильный холм учеными разрыт:
Сосуд. Потерли. И сверкнуло слово.
И стало жить. Его нельзя назад.
Не воробей! Пошло гулять по свету!

А есть слова — по ним глаза скользят.
Стручки пустые. В них горошин нету.

* * *

Есть люди, не тщеславны по природе.
Их идеал, признаться, невысок:
На даче покопаться в огороде,
Да стопку тяпнуть, да всхрапнуть часок...

А есть совсем другие: без предела
Их замыслы!
                    Какой уж тут предел,
Коль с детских лет уж ими овладела
Страсть к славе,
                              жажда грандиозных дел?!

Кто лучше,
                    разберись-ка — те иль эти?
У первых в жире не заметно глаз,
Но со вторыми здесь, на этом свете,
Бывает очень хлопотно подчас...

ГОРЕЧЬ

В парк с гитарой идем для форсу,
В коверкотовых пиджаках,
И впервые мы вместо морсу
Пиво спрашиваем в ларьках.

Пена пышная прихотлива,
Но как злая полынь горька.
Желтоватую жижу пива
Цедим медленно у ларька
И не морщимся.
                    Шоколада
Нам не требуется. Ерунда!
Дайте горечи! Вот что надо!
Детство кончено навсегда.
Детство кончено.
                    Не пристало
Быть сластенами.
                    Нам нужна...
Только горечь! И что б ни стало,
Только горечь. Она одна.

Мы идем. Пиджаки нараспашку.
Мы идем...
          Продает старик
«Мишку», сладкий миндаль, «Ромашку»,
Шоколад «Золотой ярлык».

* * *

Так и живи, как прежде!
За «Вечеркой»
Стой смирно.
Слушай важно к вечеру́,
Как сипловатою скороговоркой
С «Динамо» комментируют игру.
Пей стопку под салат!
На всякий случай
Осклабясь,
слушай длинный анекдот...

Да как же так? А где ж твой дух могучий?
А где же смертный труженика пот
На лбу твоем, на лбу, где, как короста,
Раздумья борозды?
Твой крепкий лоб умен
И горькою печатью благородства
Как бы клеймом навеки заклеймен...

А ну, воспрянь!
Гони, как злую муху,
Жужжащий быт. Будь счастлив, как дитя!
Наморщь же лоб, ценя лишь только муку,
Все остальное низменным почтя...

СНЫ

Различных снов я в жизни видел много.
Мне были сны нелегкие даны.
В набат полнощный бьющая тревога
Огнем мои окрашивала сны.

И были кратки сны мои, как порох,
И были длинны, словно канитель.
Я видел сны такие, от которых
Я в ужасе садился на постель.

И я кричал во сне — меня будили.
Я засыпал и вновь кричал, больной.
А были сны, что, тихие, сходили,
Как на цветы роса нисходит в зной.

Веселый сон веселым сном сменялся,
Напоминая легкую игру.
Мне говорили: — Ты во сне смеялся! —
Я ж ничего не помнил поутру.

И женщину я видел: в покрывало
Закуталась, улыбкою маня.
И руки я тянул, и уплывала
Та женщина навеки от меня.

Как карточки подмокшие, туманны,
Как фильмы довоенные, темны...
Я сны не осуждаю за обманы, —
За что винить? На то они и сны!

СВЕТ

Я дневника не вел. Я фактов не копил,
Я частность презирал.
Подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.

Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.

Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

* * *

Я потерял себя. Нет горестней потери.
Кричу, кричу, кричу!
Молчание в ответ.
Хожу в толпе людей. «А ну, по крайней мере,
Откликнись! Где же ты?» Ответа нет и нет.
«Какой я был? Какой?» Увы, вопрос напрасный!
Уже и сам себе не вспоминаюсь я никак:
Расчетливый педант?
Или гуляка праздный?
Беспечный балагур?
Иль сгорбленный чудак?
А может, был я льстец?
Иль я плевал в гордыне
На всех?
Иль был я червь?
Иль жил, сплеча рубя?..
Кричу, кричу, кричу!
А голос, как в пустыне.
Вот страху-то хватил!..
Но я нашел себя.

СКОРОСТЬ

Третью скорость! На самом деле!
Что ползти? Надо рваться! Мчать!
Чтоб в стремительном моем теле
Перестало сердце стучать!
Чтоб вокруг меня, словно в дыме,
Стерлись краски! Белым-бело...
Чтоб дыханье мое, как на дыбе,
Вдруг зашлось!..
Ветер, бей в стекло!
Бей! До судороги! До тика!
Вой, мотор! Не мотор —тротил!
Третью скорость!
Я слишком тихо
До сих пор по земле ходил...

* * *

Мы платимся за старые грехи.
О, как несправедливо это все же!
Тогда, конечно, были мы плохи,
Но ведь тогда мы были и моложе.
Я жил, всем досаждая и грубя,
Не думая, что может быть расплата...
Готов платить... Но только за себя —
Не за того, кем прежде был когда-то.

***

Я памятники в городе люблю...
Один сидит, другой изваян стоя.
Поднявшись, конь копытом бьет змею.
Тот книгу держит. Тот копье героя.

С детьми уселись няньки в их тени,
И голуби у ног их ищут проса.
В отличье от людей, хранят они
Какой-то жест.
Одна навеки поза.

Все больше их. И скромны без затей,
И важные, царят они над миром.
Все гуще чаща каменных людей.
Кто с яблоком в руке. Кто с нивелиром.

А кто со свитком...
Я меж ними брел,
И чувствовал себя я виновато:
Тот что-то создал. Этот изобрел.
Тот даже город основал когда-то!..

УПОРСТВО

Мы спорим иногда устало,
Ленясь, позиции сдаем.

Прав, кто во что бы то ни стало
Настаивает на своем.
Велик, кем прочно овладело
Одно,
все прочее поправ...

Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.

НЕХИТРЫЙ РАЙ

Нехитрый рай несложно сколотить.
Отгородить фанеркой небольшою.
Подкрасить, подсинить, подзолотить —
До самой смерти отдыхай душою!

...Мил, словно дом. Надежен, словно дот!
Глух, как подвал. Живи, забот не зная.
Но дунет ветер — крыша упадет,
И снова сверху темнота ночная...

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Смеются, плачут ли навзрыд
народы,
точно дети...
Но здравый смысл один царит
на этом белом свете.
Конечно:
пища хороша
и ни к чему отрава...
На свете каждая душа
об этом судит здраво.
Ну что ж,
пословица права!..
И все известно в мире:
что дважды два есть дважды два.
Не три, не пять — четыре.
Все в мире прописи одни.
Пускать ягненка к волку?..
...Ну что ж,
возьми и загляни
в любую поговорку.
Путь парадокса разве путь?
Не стань карикатурой!
И все, что слышал, —
в этом суть! —
проверь своею шкурой.

Нам здравый смысл начертит: от
и до...
Иди же!
Право,
он шевельнуться не дает
ни влево и ни вправо.
Жизнь-то тебе не тишь да гладь,
прогулка по аллеям.
Его мы любим попирать,
а после сожалеем!
Рискни!
И взорвался тротил!
Вылазь из-под развалин!..
И что ж? Ты шкурой ощутил,
насколько мир реален!
Казалось мне:
Возьму взлечу!
И раз!..
И в землю с лета...
Он не прощает никому
малейшего просчета!
В огонь сунь палец и смотри...
И задохнешься в крике,
и слезы,
точно волдыри,
вдруг выступят на лике!
Лишь только им пренебрежем
на миг,
то для порядку,
уча, жизнь сразу ж нас ножом
ударит под лопатку...
Рискни!
И все летит к чертям.
И что ты в жизни видел?!
А он шагает по костям,

жестокий победитель!
Вот ты вдруг рубанул сплеча
иль все забыл вдруг в раже...
А он идет,
топча, топча
фантомы и миражи.
Ты наломать способен дров
иль схлопотать по шее...
Ведь этот смысл —
он так здоров,
нельзя быть здоровее!
Лишь кто безумством заражен
иль кто с душой героя,
тот прямо прется на рожон
и входит в пекло боя...
И все-таки диктует быт:
обдумай все,
расчисли!..
...Природа, как в трубу, трубит,
трубит о здравом смысле.

ОТРОЧЕСТВО

Отрочество — это предисловие к жизни...

Отрочество — это тот возраст,
Когда тебе кажется,
Что мир тебе
Только кажется.
Когда действительность похожа
На дрожащий пейзажик,
Отраженный в подмосковном пруду.
Она как будто составлена из спичек:
Дунь — рассыплется.

Отрочество — это миг,
Когда короче всего расстояние
От сердца до человечества.
Это глаза,
Поднятые к звездам, —
Взлет в область бескорыстия,
После которого до старости остается в груди
Холодок от глотка разреженного воздуха.

Отрочество — это удивленье.
Удивляешься миру всем своим существом,
Свободно, глубоко, полно.
Удивляешься так многообразно,

Что ни одно удивленье
Не повторяет другое.

Отрочество — это возраст,
Когда еще ничто не установилось,
Когда еще нет привычек,
Когда на вопрос парикмахера:
«Как вас постричь?» —
Что-то бормочешь
И вертишь неопределенно рукой
Вокруг головы.

Отрочество — это беспокойство:
«Вдруг я не такой, как все?» —
И ужас: «Вдруг я такой, как все?»

Отрочество — это тот возраст,
Когда ходишь, как только что
Вылупившийся птенец,
Не стряхнув с себя
Скорлупы детства.

Отрочество похоже на тот
Неопределенный, переходный час,
Когда синие сумерки,
Словно вода, стоят
В арбатских переулках...

Я люблю отрочество,
У меня не было юности,
Но отрочество у меня было.

ПЕРЕД ПУСТОТОЙ

Человеку выпала отрада
Вверх взойти, на высоту хребта.
Посмотрел: ни рая и ни ада!
Без конца и края пустота.

«Что же я тогда на свете стою,
Если я у бездны на краю
Перед беспредельной пустотою,
Помертвев, беспомощно стою?!»

И простер он трепетные длани.
И у этой роковой черты
Плотный мир, придуманный заране,
Не спеша слепил из пустоты.

КАМЕНЬ

Когда-нибудь вы провожали
Кого-нибудь? И тут как тут,
Судача, тетки на вокзале
Цветы в ведерках продают.
Они сидят большой деревней,
И я купить уже готов...

Но что быть может однодневней
И эфемернее цветов?
Вот вы их только в руки взяли —
Не выпустили их из рук, —
А лепестки уже завяли,
Улитками свернулись вдруг!..

Я б высекал цветы из камня,
Из неподвижного куска —
Пусть нету кроткого ласканья
Раскрашенного лепестка!
Пусть ни пыльцы, ни аромата
Кремневый венчик не хранит,
Но лепестковая громада
Зубилом врублена в гранит!..

Хватайте время бреднем, сетью,
Не удочкою на живца!..
Быть надо верным долголетью,
Коль жить собрался до конца.

***

Мы стихли, покоренные картиной,
Нас увлекла запутанная нить...

Какой же все же надо быть скотиной,
Чтоб за сеанс слезы не уронить!

Бежит беглец. Леса за Акатуем.
Мать ждет. Сестра родная предала!..

Мы целым залом громко негодуем.
Мы за добро! Мы вместе — против зла!

О, как мы вдруг всем залом задрожали,
Когда на плот вскочил он,
ведь вовек

В толпе вот этой в темном кинозале
Плохой не находился человек.

***

Товарищ мой, уж коль взяла за горло
Тебя последней хваткою беда
И если жизнь вдруг так тебя приперла,
Что деться не придумаешь куда,
И вместо всех надежд и детских бредней
Ты встретишь мрак без края на пути —
Ты беспощадной правдою последней
Открывшуюся правду не сочти.
Еще не все. Хрипя, не крикни злого,
Не вынеси проклятья. Не хули...

А выскажи неторопливо слово,
Лишь забелеет тоненько вдали.

***

В осенней вышине
Лишь облако да пташка...

Когда же будет мне
Невыносимо тяжко,
Я, словно маму, небо обниму.
Закрыв глаза,
Щекой прижмусь к нему.

* * *

Крепкоспинны и коренасты,
На скамейках сидят борцы.
Разминаясь, гуляют гимнасты,
Потирают ладонью крестцы.

Детвора облепила заборы,
Зданья флагами обагрены,
Зубоскалят в кружок дисkоболы,
Углубились в себя бегуны...

Но ракета еще не взлетела,
Как бы кто-нибудь не отложил
Этот праздник вспотевшего тела,
Вздутых мышц и напрягшихся жил!

Ведь еще утрясают составы,
Где-то кубки, медали, венки!
Пусть же хрустнут бесстрастно суставы
И проступят сильней позвонки!

Пусть же лента летит голубая!..
Пусть замрет в повороте бедра,
Руку медленно выгибая
Над собою, толкатель ядра.

Сокращается бицепс упруго...
Пусть штангисты присядут слегка.
Чтоб надулась на шее баруха —
Складка крепкая, как у быка.

Знаю, прежде чем кончить речами
Этот день, — под мотив «Сулико»
Выйдут девочки с обручами
И станцуют легко.

***

Не знаю, для чего дано н мне
Нелегкое стремленье к вышине?..

И как меня бы до земли ни гнуло,
И как бы нн давнл вселенский крен,
И как бы нн склонялся я сутуло,
Лнцо свое упрятав меж колен, —
Я встану, разогнусь н протяну —
Зачем, не знаю, рукн в вышину,

Я РИСУЮ СОЛНЦЕ

Я наморщился. Я минуту соображаю.
Я малюю деревья. Я на ветке рисую галчат.
А над домом я солнышко изображаю:
Я рисую лучи — пусть упрямо, как палки, торчат.
Я — язычник. Страдания я ненавижу.
Я хочу наслаждаться. Нахален и лют.
Солнце, будто бы бабу, бесстыжу и рыжу,
Я малюю. Лучи во все стороны бьют.
Солнце я начертал выше дома и сада.
Пусть ломается грифель. Я дальше скребу.
Нажимаю сильней. Сколько наглости надо,
Чтобы так рисовать! Оттопырил губу.
Я рисую лучи, что красны и разлапы,
Что прокалывать станут осеннюю мглу.
Пусть окончится лист, я чертить буду солнце, хотя бы
Мне прямые пришлось проводить по столу.

* * *

Страшные нужны усилья,
Подвиг злой и озорной,
Чтоб распластанные крылья
Приподнялись за спиной.

Сколько ж, сколько ж надо пыла?!
Смертным потом пропотей!..
Надо, чтобы проступила
Нынче кровь из-под ногтей.

...На губах предстанет пена...
И тогда внизу, вдали,
Вдруг растают постепенно
Очертания земли.

* * *

Порой в гостях за чашкой чая,
Вращая ложечкой лимон,
Я вздрогну,
втайне ощущая
Мир вечности, полет времен.

И чую, где-то по орбитам
Мы в беспредельности летим.
О, если б воспарить над бытом,
Подняться бы,
восстать над ним!

И выйти на вселенский стрежень,
И в беспредельности кружить,
Где в воздухе, что так разрежен,
Нельзя дышать,
но можно жить.

* * *

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы нравиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взглядов и алых щек,
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничок...

Громких подвигов не содея,
В жертву отданная мелочам,
Одиноко живет, седея,
Шорох слушая по ночам,

* * *

Счастливый человек страдает за других.
Тоскливо он живет, воображая
Себя на месте ближних, дорогих.
Спать не дает ему беда чужая.

В себя уйдет несчастный, словно крот,
Беда им завладела без предела,
Ему с собою полон рот хлопот.
Несчастному нет до другого дела.

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТИРАЛА

Моя любимая стирала.
Ходили плечи у нее.
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье.

Искала крохотный обмылок,
А он был у нее в руках.
Как жалок был ее затылок
В смешных и нежных завитках!

Моя любимая стирала.
Чтоб пеной лба не замарать,
Неловко, локтем, убирала
На лоб спустившуюся прядь.

То плечи опустив,
                    родная,
Смотрела в забытьи в окно,
То пела тоненько, не зная,
Что я слежу за ней давно.

Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.

От мыла, щелока и соды
В досаде щурилась она.

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройди подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем грустный, грустный этот взгляд.

ЛУНА

Луна случайна в городском пейзаже,
Где фонари, где зданья, где авто.
Когда б она исчезла,
То пропажи,
Наверно, не заметил бы никто.

Зато в лугах она встает большая,
Зеленая,
Над сочною травой,
Все ямы и канавы заполняя
Своей холодной влагой неживой.

Еще не раз любимой на колени
Я голову покойно положу.
Грызя травинку, в предрассветной лени
В распахнутое небо погляжу.

Туда, туда, где, вечная, над нами,
Чужим огнем скупым озарена,
С ущельями, с провалами, с горами,
Возвышенная плавает луна.

ЖЕНЩИНА

Стоят под мокрым снегом, скисли
с авоськами... Что ж, быт как быт!

...Но женщина в высоком смысле
в веках незыблемо стоит!

И в юности, в поту трамвая
ты захолонешь всем нутром,
когда, билетик отрывая,
заденет женщина бедром...

Она стоит, как страж, на пляже...
...Но и в дому,
чуть-чуть грузна,
она мила бывает даже
и непричесанной со сна...

*
* *

Как был уютен мир Эвклида!
Как был он ясен, прост и мал!..
Чертил учитель деловито
Фигуры,
        палец подымал...

Но истина в другом:
                        мильоны
Мильонов светолет!
                        Сложны
И перепутаны законы,
И все понятья смещены.

Все в мире можно, все обелим!..
Я ж верю, пусть идут года:
На этом свете параллелям
Не пересечься никогда.

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Когда мне вдруг захочется
Увидеть сразу весь мир —
Я закрываю глаза.

В детстве, наморщив лоб,
Я бродил по Серебряному бору.
Надо мной скрипящие сосны,
Раскачиваясь,
с трудом,
Размешивали кронами белесоватое небо.
Я удивлялся, когда в ответ
На брошенный камень
В пруду раздавался всплеск.

О великий закон, по которому
Следствие непременно
Вытекает из причины!
Я утвердился в нем
За несколько десятилетий
Своей жизни.
Я спокоен.
Все правильно.
Цепь прочна.

Но почему, когда я закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

* * *

— Что нужно, чтоб поэтом стать? —
Когда-то
Я с детским простодушием спросил...
Мне многословно и витиевато
Все объясняли, не жалея сил:
— Вот то-то делай. Этого не надо!
Читай вон то. Используй каждый час!.. —
От этих наставлений, как от чада,
Трещала голова.
Но как-то раз
Я вышел — у киоска, где газеты,
В сосульке зайчик солнечный плясал!..

И плюнул я. И все забыл советы.
И первый стих тогда я написал.

***

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива —
Ей хорошо без прошлого, свободней.

А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!

Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак...
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

СИБИРСКИЕ ВАГОНЫ-РЕСТОРАНЫ

Сибирские вагоны-рестораны —
На тыщи верст рассчитанный уют!..
Здесь за графином раздирают раны
Сердечные,
бранятся и поют.
Актер бровастый едет на гастроли,
Моряк спешит из отпуска назад.
За долгий путь сдружившись поневоле,
Сидят, касаясь лбами, взгляд во взгляд.
И все, что за полжизни наболело,
Все, что таили где-то в глубине,
В сердцах друг другу поверяют смело
Среди народа, как наедине.
Всю жизнь свою — женитьбы и разводы,
Печальные ошибки прежних дней.
...Потребность человеческой природы
В признаниях —
стыдливости сильней.
О, сколько тут новелл,
если порыться!
Как вспомнить их и не сойти с ума!
Друзья бормочут, и бежит по лицам
То свет, то тьма, то свет, то снова тьма.
Когда бы это все они забыли,
Как был бы их удел нелегкий прост...

А за окном безлюдие Сибири,
Полночная тайга на тыщи верст.

КРАСАВИЦА

Красавица!..
И вот, обалдевая,
Застыли мы, открыв в смятеиье рот...
— Смотрите, вои красавица!
Живая
Красавица! Вон — не спеша идет.

О жеиской красоты великая загадка!
Кто тайиый смысл твой до конца познал?
Ну вот оиа:
зачесаииые гладко
За уши волосы
да личика овал —
И мы уже молчим, благоговея,
Молчим, от потрясеиия немы,
Следим глазами:
вот она правее —
И мы правей, оиа левей — и мы...

* * *

...Подумаешь, Америку открыл!
Еще в пеленках это мы знавали!..
А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.

Как я добыл ее!
Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от жажды.
Я рыл и рыл...
Владеет ею тот,
Кто сам, один, добыл ее однажды.

Она во мне. Я жил, ее тая.
Я, стиснув зубы, в муках, на пределе,
Ее добыл. Вот истина моя!

Вы ж до сих пор банальностью владели.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПОЭЗИЕЙ

Я заведовал поэзией.
Позиция зава — позиция страдательная.
В ней есть что-то женственное:
Тебе льстят, тебя обхаживают,
На тебя кричат.

С часа до пяти ежедневно я сидел за столом
И делал себе врагов.
Это было нечто вроде
Кустарной мастерской:
Враги возрастали в геометрической
Прогрессии.
Оклад, из-за которого
Я пошел заведовать,
Уходил на угощенье
Обиженных мною друзей.

На улице я ловил на себе злобные взгляды.
Это продолжалось до тех пор,
Пока меня вдруг не осенила одна
Простая истина:
Авторы не хотят печататься!
Они хотят, чтобы их похвалили.

Возврат рукописи — болезненная операция:
Я стал ее делать под наркозом.
От меня уходили теперь,
Прижав к груди отвергнутую рукопись,
С сияющим лицом,
Со слезами благодарности на глазах.
Но и принятая рукопись
Должна пройти редколлегию.
Замечания членов редколлегии
Похожи на артиллерийские снаряды:
Ни одно не попадает туда,
Куда упало другое.
Иногда рукопись была похожа на мишень,
По которой стреляла рота.

Авторы шли.
Юнец. Пишет лесенкой...

Старый поэт. Одышка. Сел.
Мясистая рука с перстнем
Лежит на толстой палке...

Парень ростом под потолок.
Со стройки. Комбинезон в краске и в известке.
Положил кепку. Она приклеилась к столу.
Уходя, едва отодрал...

Тучная дама. «У детей коклюш.
Черствый муж. Не понимает.
Пишу урывками!
Надо то в магазин,
То приготовить. Все сама, сама.
Без домработницы...»

Человек. В черных как смоль глазах
Лихорадочный блеск.

Заявление:
«Прошу назначить меня
Писателем Советского Союза».
Сумасшедший...

Прут. Все пишут стихи.
Пишет весь мир!
Я разочаровался в людях.
Я стал подозревать каждого:
Что делает директор треста,
Когда он один запирается
В своем кабинете?
Милиционер — у посольства?

Авторы шли. Тонны и тонны стихов.
Слова слипшиеся, как леденцы в кулаке.
В них слабенький яд.
Но в больших количествах — опасно.
Я отравился.
Я был как пересыщенный раствор:
Еще чуть-чуть, и начнется кристаллизация —
Поэзия станет выпадать во мне
Ромбами или октаэдрами.

Я бы возненавидел поэзию,
Люто, на всю жизнь.
Но вдруг попадалась строка...

* * *

Книга жалоб в каждом магазине,
Требуйте, ее должны подать!..

Предлагаю вечности: отныне
Завести подобную тетрадь,

Чтоб о боли люди не молчали,
И тогда-то на вселенский суд
Все свои обиды и печали
Люди осторожно понесут...

Как тогда б, я знаю, поразила
Надпись в полстроки из-под пера
Женщины, что, павши на перила,
Ночью в парке плакала вчера.

ГОЛОС

Я слышу голос где-то там, внутри
Себя — как будто бы из дальней дали...
То прадеды твердят: «Заговори!
Возьми перо. А ну, давай! Едва ли
Ты справишься без нас. Э, ты какой!
Да что ж ты медлишь? Право, нету слада!
Начни — мы поведем твоей рукой.
Да слушай нас. И будет все как надо». —
«Зачем вы мне?» — «Согнувшись над листком,
Пиши, чего бы мы ни повелели,
И людям ты расскажешь о таком,
О чем ты сам и не знавал доселе...»

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Вот люди: Моцарт и Сальери.
Один, восторженный, парил.
Другой безумца
　　　　　　к высшей мере,
Продумав все,
　　　　　　приговорил.

— Нет правды на земле! Тем — много,
А этим — искры не дано... —
И в правой злобе против бога
Сальери сыплет яд в вино.

Уж полночь в городе пробило.
Сальери крадется во мглу...

А в грешном мире все как было,
Лишь гений мертвый на полу.

ПОХВАЛА ВОЗРАСТУ

Я славлю возраст свой!..
Пусть не торопит.
Я б в нем хотел побыть. Года. Века.
Слились и неуверенность, и опыт,
И трепетность, и твердая рука.

Он только лишь на миг со мной!
Так что же,
Что больше не наступит он опять?!
Те, кто старей, и те, кто помоложе,
Завидуйте!
Мне нынче тридцать пять.

Прекрасный возраст! Я горжусь им, право!
Я им хвалюсь, всем сердцем возлюбя.
Что может быть на свете лучше сплава
Боязни тайной с верою в себя!

* * *

Гастрольная тернопольская труппа...
Она и он. Но муж ее догнал.
Удар ножа! Седой отец у трупа.
И занавес спускается. Финал.

...А в городке был май. И, словно иней,
Был лунный свет. Пылали облака.
И я шагал с воскресшей героиней
По улицам пустого городка.

Что ей, девчонке бешеной и шалой,
Что город спит, что поздняя пора?
Она б весь город подняла, пожалуй,
Петь и кричать желая до утра.

Она сирень ломала и дарила,
Раскидывала и рвала опять.
И, хохоча, с презреньем говорила:
— Зачем я воскресала?
Чтобы спать?!

ЖИЛЕЦ НАПРОТИВ

Есть такие люди, чьи глаза
Притаились далеко-далеко за линзами очков.
Они исповедуют таблицу умножения!
Они вычерчивают кривую голоса
Поющей птицы.
Они длину окружности пытаются измерить
Линейкой.
Дай им волю, они бы время
Приколотили к пространству.

Человек живет в квартире
Напротив меня.
По утрам я вижу в окно,
Как он выходит из подъезда.
Его шляпа своими полями
Образует перпендикуляр
К прямой его фигуры.
Отутюженные складки брюк,
Продолженные в бесконечность,
Не пересекутся.
Одна его рука, свободная от портфеля,
Ходит взад-вперед, как маятник тех часов,
Что ждут его дома над комодом.

Однажды он остановил меня:
Я оплошно попал в объектив его зренья.
Он взял меня за единственную пуговицу
На пиджаке,
Готовую вот-вот оторваться.
Он бубнил.
Я переминался с ноги на ногу,
Держа за спиной авоську с бутылками пива,
Которыми я собирался угостить
Заглянувшего ко мне приятеля.
Сосед бубнил. Он был недоволен.
Где-то! Что-то!
Безобразие!
Так не говорят! Это новое!
Он будет жаловаться! Он напишет!

Я смотрел в его глаза.
Они были далеко-далеко,
За тысячи километров.

Ночью мне приснился кошмарный сон:
Я видел своего соседа
В подтяжках и шлепанцах.
Вот он карабкается на стул.
Он багров от натуги.
Изо рта его торчат,
Поблескивая шляпками, гвозди.
В руке его молоток.
Жена, одной рукой запахивая халат,
Другой рукой придерживает стул за ножку.
Вот сосед размахивается.
Я слышу стук.
Каждый удар отдается мне в голову —
Сосед приколачивает
Время к пространству!

ЧАС

С утра до ночи день распределен.
Работаем, мотаемся, читаем...
Но час один я выделяю.
                                        Он
Особо меж другими почитаем.
Час размышления!
                              Священный час!
Над переносьем сходятся морщины.
И у других я замечал не раз
Задумчивость без видимой причины.
Трудись, мой ум.
                              Трудись, пока я жив!
И счастья мне не надобно иного.
Брожу, в карманы руки заложив,
Наморщив лоб,
                              нахохлившись сурово...

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Я поднял взор — в те дни я рисовал, —
Но до прилавка я не доставал.

Как пахнет лак! О, как же я ценил
Набор кистей, бутылищи чернил!

...Стоял, ушедший в шапку до ушей,
И мозг кружил мне дух карандашей.

Вот тюбики. А вот пастель. Вот мел.
Когда б я мог, я это сразу б съел.

Чертить! Стирать! Чертить! И вновь стирать!
Мне ту бы вон огромную тетрадь.

Я б малевал во всю ее длину!..
И я тайком проглатывал слюну.

ВЕРТИКАЛЬ

В веках тропинка красоты окольна,
Смысл красоты побочно вытекал.
Она-то ведь как будто колокольня —
Нужна же, мол, в деревне вертикаль!

Пусть никого не манит позолота.
Цель у меня на все года одна:
Лишь только б дрогнул тонкий трос
от лота —
Вот верный знак, что он коснулся дна.

РЕМОНТ

Уже окончилась пора дремот.
Все кресла — в кучу. Дело забурлило!..
Великий начинается ремонт.
Стекает сурик. Капают белила.
В тебе есть обаяние, развал!
Вон кирпичи — то проступает кладка.
Неужто я когда-то проживал
В средине пошловатого порядка?!
Привычки прежней эры сохранив,
Я честь воздам дымящемуся чаю,
На банке с охрой сидя,
 но, ленив,
Со щек уже олифы не счищаю.
Я сплю. Кистями машут маляры.
Откуда свищет? Стекол нету в раме.
Не так ли распадаются миры,
Чтоб снова стать когда-нибудь мирами?
А купорос? Он может вдруг пронять
Почти до слез — так ночью тянет люто!

И в мире сможешь многое понять
Из этой самой глуби неуюта.

ЧУТЬЕ

Брожу в тайге. В селе ночую...
Не ка́таньем, ну так мытьем —
Я то, что не пойму, почую
Глухим, прадедовским чутьем!

Меня к познанью приохотят,
И озаренья закипят.
Пойму, откуда происходят
И паводок и звездопад.

Мир как разрытая порода —
Без золота. И я увяз...
И мне признается природа
В том, что таит она от вас,

***

Стареет все. И то, что устарело,
Таинственность имеет старины.
Сарматская стрела от самострела
Иль мшистый камень крепостной стены.
Года величье придают платану...

Столетья повернется колесо —
Такой обычный, —
                                        я однажды стану
Далеким и загадочным...
                                                Как всё.

ОВЛАДЕВАНЬЕ

Овладевай домами!
И собственной судьбой.
Подвалами. Дымами.
Сиденьем. И ходьбой.

Есть тайные пружины,
Знай нажимай — давай!
Вождением машины
Смотри овладевай!

Своею головою.
И ветерком с морей.
Всемирной кладовою
Овладевай смелей!

И флейтой чародея.
И верою в людей.
Живи, пером владея.
Волненьем овладей!

Будь и простым и милым.
Мир побеждай! Живи.
Смелее с этим миром
Себя отождестви...

А я во тьме привала
Был к звездам вознесен
И мной овладевала
Вселенная, как сон.

Как в танцевальном зале,
Мелькало все вокруг.
А вещи ускользали
Из вытянутых рук.

И, предаваясь спорам,
Гудел, под ливнем мок
Тот странный мир, которым
Я овладеть не смог.

ТАНЦЫ

Какое странное занятье!..
Стоять вот этак, чуть бочком, —
В два пальчика берется платье... —
И вдруг притопнуть каблучком.
И вот, стуча нога об ногу
И улыбаясь ни к селу,
Перемещаться понемногу
По направлению к углу.
Не потеряться б с кавалером!
Он чувствуется, как магнит.
Он рядом этим же манером
Ногами быстро семенит.
Лететь как бы спираль — витками.
Взопреть. О пота остротца!
Упасть на стул. Махать руками
Вкруг темно-красного лица...

Чуднее этого занятья
Найти, ей-богу, мудрено!
Ведь точно сестры, точно братья
Мы все, кого кружит оно.
Кружить давайте ж, словно дети,
Хоть это, будто мир, старо,
И в «барыне», и в менуэте,
И в гопаке, и в болеро,

Давайте же лететь! Быть может,
Кто знает, ведь судьба слепа,
Вдруг смысл вселенной нам поможет
Понять какие-нибудь па.

Пусть вьются юбки, словно флаги,
И креп-сатин и креп-жоржет.
Пусть черные кружатся фраки
И нитка белая манжет.
Давайте щелкать каблучками,
Чтобы, хватаясь за сердца,
Вдруг сесть на стул, махать руками
Вкруг темно-красного лица.

Знать, надо, чтобы это было.
А нет — так надо б то создать,
И чтоб нога бы ногу била.
И взвизгивать. И приседать.
Причины этому глубоки,
А следствия-то велики!
И надо, чтобы — руки в боки —
Дробь выбивали каблуки.
Знать, есть потребность в самом деле,
Чтоб в пальцах был подол зажат,
Чтоб кровь, свистя, вращалась в теле,
Чтоб мчались волосы назад.

***

Идет спектакль. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер!..
Невеста. Сводня. Жених. Отец.
Хвастун. Мыслитель. Чудак. Хитрец.
Здесь что минута — другой типаж!
Гризетка. Циник. Аббат. Апаш.
Старушка вяжет. Влетел нахал.
Поет гуляка, подняв бокал...
Идет спектакль!.. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер!..
Хоть почву в метр перепаши —
Как репки, вырастут вновь типажи,
Кудряв — мечтатель. Бедняк — горбат.
Скупец. Ученый. Транжира. Фат.
Один в бостоне. Другой разут.
Спектакль мчится! Они идут.
Конец!.. Но снова! И в свой черед:
Злодей. Красавец. Святой. Урод.

* * *

Что там ни говори, а мне дороже
И все милее с каждым годом мне
И ритм деревьев, зябнущих до дрожи,
И ритм капели на моем окне...

И оттого, что сущность мира скрытна
И до сих пор темна еще она,
Нам истина того простого ритма,
Как истина последняя, дана.

***

Катары, астмы и подагры
И прочее — не ерунда.
Так поезжай-ка, брат, под Гагры.
Иль в Ялту. Иль еще куда...
Ну вот уж, право, не хватает,
Чтоб впасть растерянно в скулеж,
Когда за сердце вдруг хватает
Угрюмый атеросклероз!
И все ж я верю, нет болезней!
Я думаю: болезни — блажь...
Что моря может быть безбрежней?
И бесконечнее, чем пляж?!
Чтобы подкатывали волны
К тебе — а ты сидишь разут...
Пусть, вороваты и проворны,
Подтащатся и отползут!
Ты был и мнительным и скрытным.
А водоросли здесь святы!..

Лечить себя на свете ритмом
Неотдыхающей воды!

Ложись щекой на мокрый щебень.
Пусть под тобою мир развёрст!..

На свете ритм воды целебен
Да мерное мерцанье звезд.

***

До мая несколько недель,
Но с крыши нашей жилконторы
Стучит тяжелая капель —
Я остро чувствую повторы.

Я ритм улавливал во всем:
И в том, как каркала грачиха,
И даже в том, что за овсом
Шла белой полосой гречиха.

Брала порою даже злость,
Покою не знавал за сутки.
За стенкой забивают гвоздь —
Я ж отмечаю промежутки.

Иль вот сидишь себе в гостях...
Но хватит умножать примеры!
Короче, я вдруг поднял стяг
Восстанья против четкой меры.

Я думал, хаотичен свет
И все навалено навалом,
А пульс стучал мне: нет да нет —
С определенным интервалом.

***

Поэту все мешает на планете:
Когда соседи рядом гомонят,
Безмолвие, и если плачут дети,
Коль есть семья, и если не женат...

И он, как знахарь, не спеша мешает
Все то, что закипает в глубине.
Поэту в этом мире все мешает:
Воротничок, картина на стене...

Он, как сквозь чащу, движется сквозь вещи,
Здесь топь. Мгновенье. И смотри: погряз...
...Он гонит все, чтоб проступала резче
Та суть, что укрывается от глаз.

ОСЕНЬ

У осени надежная основа.
Мне не сдержать круженья головы
От духа кисловатого, квасного,
Идущего от вянущей листвы.
Нет осени задумчивей и строже!
Она умна, печальна и проста,
Хотя ее безумные одежи
Нелепы и пестры, как у шута.
Я, горожанин,
осени не вижу:
Все суетишься — все дела, дела!
Стук кровельщика, что латает крышу,
Вдруг возвестит — она уже пришла!
Но где ж она?
Вокруг толпятся зданья.
И как-то раз в потемках поутру
Ударит дождь, по стеклам барабаня,
Как сотни барабанов на смотру.
И ветер, как горнист, напев затянет.
Проснувшись, долго смотришь в темноту.
Соседка в кухне за стеною станет,
Ломая спички, разжигать плиту.
Она гремит кастрюлями, зевая.
Соль ищет, чертыхаясь с полчаса...

А на подножке дальнего трамвая
Уж я въезжаю в ближние леса.
Они стоят.
Невидимые крепи
Сдержали их за городской чертой.
В узорном византийском благолепье,
Как терем, поражая пестротой.
Передо мной лимонный, и медовый,
И клюквенный пожар. Как будто сон.
Сторожка. Пень.
Калиткою садовой
Огромный ворох листьев отгребен.
Во вретище смиренная осинка
Трепещет одиноко в стороне...
И охра листьев, и просветов синька,
И тишина приятны были мне.
Стою перед чащобой, как у входа:
— Послушаем, что говорит природа?

*
* *

— Золотой характер, — говорили
Про меня.
С угрюмой прямотой
Сплевывали и опять курили,
Говоря:
— Характер золотой...

Жил я, ничего не понимая,
От тоски и счастья, как в бреду,
Тонкую березку обнимая,
Поджидая раннюю звезду.

Юный, я задумывался
или
Ждал, что там, за дальнею чертой!..
На скамье курили и твердили
Обо мне:
— Характер золотой...

* * *

Я ловил ощущенье...
Я ловил его, чтобы поймать
И запрятать в клетку стихотворенья.

Я ловил его.
Я подкарауливал его,
Выслеживал,
Ладонью зажав рот,
Затаив дыханье,
Подкрадывался на цыпочках,
Пытаясь накрыть его рукою...

Но оно улетало.

Только несколько раз
В моих пальцах оставалось яркое перо,
Как свидетельство того,
Что оно было на самом деле,
А не приснилось.

ДЕРЕВО

Поклоненье деревьям — старинный обряд.
Вот они поднялись. Сколько мощи и лени
В их простертых ветвях!.. Я сейчас был бы рад
Перед ними, победными, встать на колени.

Кереметь — бог мордвы! Разделяю вполне
Трепет древних. Мне дерево символом стало!
Я хотел бы, чтоб всё и вокруг и во мне
Постепенно, как дерево, вырастало.

Поражает и ныне закон естества,
Что таится и в дубе, и в грабе, и в вязе:
От корней навсегда удалилась листва,
Но ничуть не слабее их скрытые связи.

***

Так начинай же правду говорить!
Что, непривычно? Тяжело и ново?
Как это мало — просто рот открыть
И выдавить незначащее слово!

Дай правду подноготную. Добудь
Ее из недр. Одной лишь правды мало!
Все позабудь! Дай соль! Дай смысл! Дай суть!
Дай сущность нам! Сойди во глубь подвала

С висячей лампой. Там, где много лет
Ты не бывал, а ну, согнись в поклоне,
Шарь, распрямись и вынеси на свет
Дрожащую крупицу на ладони.

КРУГ

Округлы облака и женщины. Кругла
Планета наша. Яблоко округло.
И сердце кругло. Круглота не зла.
Округлыми глазами смотрит кукла.

Я круг люблю. Он выдуман хитро.
В нем нет конца. Сыщи-ка в нем огрехи!
Кольцо и солнце, жернов и ядро.
Недаром кругу поклонялись греки,

* * *

Людские заблуждения. Полна
История гигантских лжеоткрытий.
Какая паутина соткана
Из представлений, этих тонких нитей!
О, сколько тут прогнозов и афер!
О, сколько тут напущено тумана!
Тут Саваоф и страшный Люцифер,
Златой Ваал и злой чурбак шамана.
...Кряхтят жрецы, стирая пот с чела,
Творя химеры, что мудры, но зыбки...

А вот инстинкту верная пчела
Летит на цель впрямую, без ошибки.

ПРОСТОДУШИЕ

Я верю в простодушие. Оно
Орудие особенного рода.
Оно как здоровенное бревно,
Которым вышибаются ворота.
Уклончив тот, тот в сложности залез,
А тот в обход пошел:
Впрямую — струсил!
Но простодушие как Геркулес,
Оно кряхтя идет, ломая лес...
И гордиев перерубает узел!
Оно как пастушок, что гонит вброд
Коров и свищет в дудочку пастушью.
Оно — король, что прется на народ:
«Эй, расступись!
Дорогу простодушью!»

ПАМЯТЬ

Мнемозина —
по-древнегречески «память»

Ее когда-то звали — Мнемозина
И поклоиялись ей. На мой же взгляд,
Оиа ведь просто вроде магазииа
Универсальиого,
                              или, вериее, склад,
Где весело иавалены иа полки
События иа многие года.
И кажется, того гляди, подпорки
Не выдержат и рухнут — и тогда
Как я в подиявшейся иеразберихе,
В том хаосе иочном, как в том аду
Облуплеииый твой домик на Плющихе,
В ием комиату, а в ией тебя найду?
Тьма беспросветиа вечности. Найду ли,
Хлебиув забвеиья из ночной реки:
Испуг во сие, и лифчик твой на стуле,
И две
          ко мне протянутых
                                        руки?

ПЕРВАЯ ФРАЗА

Если первая фраза тебя потрясла
В странной книге, открытой напропалую, —
Не спеши. Поднимись. Отойди от стола.
Не читай опрометчиво фразу вторую.
Не читай. И поднимется образов рой,
Вздрогнет сердце,
а ведь не дрожало ни разу!..
Неизвестно еще, что во фразе второй!
Пронеси же сквозь жизнь эту первую фразу.

* *
*

Эта выйдет в мантилье, подобная донне,
Лишь поднимет глаза — ей повсюду почет.
Но плесни ей водой на лицо — и в ладони
Красота ее вдруг при народе стечет.
Может, кто-нибудь скажет: «Какое мне дело!
В этой области все неподвластно уму.
Нас ее красота за живое задела,
Мы . и знать не хотим: отчего, почему?»
Я скажу им: «За что убиваетесь? Бросьте!
Что нашли вы? На что открываете рты?»
И тогда протяну им две полные горсти
Мутноватой размытой ее красоты.

* * *

Мне не сойти с привычной колеи...
Чтоб дать мне пить,
встает в одной рубахе
Та женщина, что знает все мои
Безумия, сомнения и страхи.
К стакану губы я во тьме тяну.
И сплю.
Но, одеяла край бросая
На пол,
я вновь зову ее. Одну.
И вновь ко мне она идет
босая.
Кричу. Но засыпаю.
И во сне
Поймать опять хочу обрывок нити.
Она одна все знает обо мне —
Коль надо будет что,
ее спросите.

РЕБЕНОК

И вот идет по городу ребенок
С большою, вроде тыквы, головой.
Среди людей, автомашин, лебедок,
Рискуя, словно на передовой.

От леденцов его ладони липки,
Не верит он в существованье зла!
А безмятежность медленной улыбки
Лишь с синевой поспорить бы могла.

Жизнь города его в свою орбиту
Ввела. Кричит кондуктор: «Не зевай!..»
Он на минуту чувствует обиду
И губы надувает на трамвай.

Гудки машин ему — как звуки лютен.
Идет на них, неведеньем храним...
Как верует он в то, что абсолютен
Его покой! Мы — трусы перед ним.

ПОЖИЛОЙ

Вот шляпа. Вот и трость. Я пожилой!
Перчатки шерстяные. Честь по чести.
Ворчу, что апельсинной кожурой
Опять — увы — насорено в подъезде.

Девчонка окликает на бегу
Кого-то. Мчатся молодые, злые...
Скрипят мои ботинки на меху,
Уютные такие, пожилые.

На лавку сел. Рука в наметках жил.
Где пенсия?! Далеко до погоста!
И я не стар. А просто я пожил.
Я пожилой! И это очень просто.

* * *

Сколько прелести есть в человеческих лицах!
Все смотрел бы на них и смотрел без конца.
Но в глухих городишках и громких столицах
Вдруг на улице встретишь лицо подлеца.
И, брезгливость и ужас почти не скрывая,
Отшатнешься, стараясь с дороги свернуть.
Но навеки запомнишь: ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как ртуть.
Берегите лицо человеческое. Несите
Сквозь года — и глаза молодые и рты.
Словно с озера, с глади лица не спугните
Выражение детскости и чистоты.

* * *

Хочу быть начинающим поэтом,
На мэтра говорящего смотреть.
Он грозный ходит, он брюзжит при этом.
Его лицо багрово, словно медь.

Он в кресло опускается устало.
Он пышет трубкой, тяжело дыша...
О, как бы я хотел, чтоб трепетала
В надежде и неведенье душа!

Он щелкнул пальцами, ища примера,
Нашел, и голос вверх идет звеня —
Тут что-то из Шекспира, из Гомера.
Я сник. Я стих. Уже он стер меня...

Но вот он поднимается из кресла,
С улыбкой слабой треплет по плечу.
И ожил я. Душа моя воскресла!
Счастливый, я на улицу лечу.

Средь города, средь бешеного мая
Лечу я, не скрывая торжество,
Тетрадку к сердцу крепко прижимая,
Не видя и не слыша ничего...

* * *

Когда мои друзья сойдутся за столом,
Внимаешь ты,
пристроясь робко с края,
Беседам о грядущем, о былом,
О настоящем —
блюдца вытирая.
Они философы, мои друзья!
Подчас,
когда, обрушась друг на друга,
Они кричат, сарказмами разя,
Ты в кулачок зевнешь,
моя подруга.
И вижу я по выраженью глаз
И по улыбке, что скользнуть готова:
«Пускай кричат. Они уйдут сейчас,
И мы с тобою вместе будем снова».

* * *

Поют слепые. Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп. Хрипотца с непривычки.
Тоскует сердце, не могу терпеть,
Когда заслышу голос в электричке!

Гомер, вслед за тобою те, что слепы,
Бредут, как бы без лампы по забою.
...И бандурист поет среди толпы
В слезах, наедине с самим собою.

Всё шарят палкой — только б не упасть.
Поют, поют, поют. Закрыты веки.
Как видно, к песне беспредельна страсть
У тех, кто солнце потерял навеки.

* * *

Обложка иностранного журнала:
Вот женщина.
Она обнажена.
Она победно лавры пожинала
За красоту.
Мир потрясла она!
Она в чулках. А вот она на пляже.
У телефона. Как хохочет рот!
А это кто под душем?
О, она же!
Она в трико и в полуоборот.
Она в отеле. Вот она в постели.
Она пьет с другом...
Мир у женских ног.
Крадется в сердце ужас:
неужели
Все это цель, конец, венец, итог?

АРТИСТИЗМ

Прославляю актерство —
Парик, декорацию, грим...

Как я жил, как я терся
По кулисам, актерство, твоим!

...Вот галоши разули,
Разделись, в карман номерок.
И уже в вестибюле
Мы слышим: гремит монолог!

Как в колодце костела
Органа стотрубная медь —
В том величье актера,
Чтоб мрачно с подмостков греметь.

Скажут: «Бросьте, забава-с!..»
Но мы аплодируем с мест
За лукавство, за пафос,
За все разрешающий жест...

Как энергией тола,
Когда дотлевает запал,
Вдруг улыбкой актера
Застывший взрывается зал.

Пусть не громкого роста,
Пусть меч слишком тяжек и щит,
Верим мы в благородство
Того, кто с эстрады кричит.

Нам, пожившим, матерым,
И то не без пользы подчас,
Коль назвался актером —
Учи!.. Мы подремлем, учась...

Прославляю за эти
Слова, что подчас пламенят!
(И за то, что в буфете
В антракте я пил лимонад.)

За твои водевили
Тебя не забуду по гроб!
(Ноги мне отдавили,
Когда я бежал в гардероб.)

При цилиндре, при трости,
Монокль и наследственный тик...
Прославляю притворство
Притворщиков главных твоих!

Только искра запала,
И вот уж и все ремесло!..
Семя в детстве упало,
И семя, смотри, проросло.

Привставал я из ложи,
И действие я прерывал...

Прославляю за слезы,
Которые я проливал!

...Ждет весь месяц зарплаты!..
При муторном свете кулис
Снимет тогу и латы —
Да он же потаскан и лыс!

Красен нос его, право!
Да ведь не святой же он, чать!
Так какое же право
Дано ему всех обучать?!

Верим всякому вздору?!
Но я возраженья сниму:
Коль не верить актеру,
Тогда уже верить кому?

Мы уверуем сами
В восторг риторический твой.
Засыпай нас словами —
Словами засыпь с головой!

...Бог поэзии с лирой,
А около девять сестер...

Жизнь идет — декламируй,
На то же ведь ты и актер!

Расщепленным фальцетом
Руби наступившую тишь...
Декламируй — подцепим
Мыслишку какую, глядишь!

К нарисованной ране
Притронься — и сразу же в дрожь! —
На немыслимой грани,
Где сходятся правда и ложь.

Кровью всей искупая,
Что это всего лишь игра!..
Чтоб слезинка скупая
По глупому гриму текла.

Чтобы краскою синей
Подглазья, а рот чтобы — ал...
Сатанинской гордыней
Чтоб зрителя профиль пугал.

Горло стиснет незримо
Рыданий твоих мастерство...
Убедительней грима,
Быть может, и нет ничего!

И не ртом уж, а пастью...
Накинутый плащ на плечо.
Искаженное страстью
Актер к нам выносит лицо.

Если ж слово вдруг мимо
Просвищет, как будто копье,
Ничего: пантомима
Тут сделает дело свое.

Для чего же словами —
И жестом все можно создать!
Да одними бровями
Ты зал приневолишь рыдать.

То как корчась на дыбе,
То словно вбегая на луг —
Сколько мысли в изгибе
Причудливо вскинутых рук!

Как деревья и травы,
Так гнется пред публикой мим.

Были б гибки суставы —
Что надо, изобразим!

Зритель крикнет: «Умора!» —
Иль вздрогнет, наоборот...

...Словно кратер, актера
Дымится трагический рот.

МОЕ МАСТЕРСТВО

Мое мастерство, ты особого рода.
Ты мяч тот, что с силою пущен в ворота.
Удар в лобовую, ты голая суть.
Ты — как там? — кратчайший меж точками путь.

Мое мастерство, ты особого рода.
Нет, ты не метафора, ты не острота...
Подайте мне смысл! — для чего мне слова?
Мое мастерство — избежать мастерства.

***

Я не люблю названья по-латыни
Растений, что встречаются в пути.
Ученый для какой-нибудь полыни
Способен сотни терминов найти!
...Уехав из Москвы на две недели,
Люблю, чтоб, глазки детские подняв,
В глаза мне доверительно глядели
Какие-то цветочки из канав...
Как просто взять гвоздику, два-три мака
Да повилику — и букет готов!
Но я на том ловлю себя, однако,
Что я девчонкам не дарил цветов.
Смеющихся
катал на лодке летом,
Озябнувших
водил зимой в кино.
Явись я на свидание с букетом,
То было б старомодно и смешно.
А ведь ромашки — как снежинки были,
Гвоздики — словно алые кресты...
В душе девчонки, думаю, любили
Сильней всего, наверное, цветы.

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу.
          Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
               их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть.
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
                    глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
        пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

МОРЕ

Я, море, полюбил тебя, быть может,
За то, что дна не ощущаешь ты,
За то, что беспокойство тебя гложет,
Но нет в тебе постыдной суеты!
Ты тяжкую повинность отбываешь:
Под звездной неподвижной вышиной,
Как в колокол, ты время отбиваешь,
Гоня волну на берег за волной.
...Глотнешь воды — какая горечь, право!
Но все же я тебя не прокляну,
Хоть ты сплошная едкая отрава
На сотни верст в длину и глубину.
А пресность что! И в ней не много прока!
Вода сквозь пальцы, словно в решето...
Я не дитя. Не все, что горько — плохо,
Как и не все, что сладко — хорошо!
Ведь это ты
моей любимой тело
В дни юности, пятнадцать лет назад,
Одним рывком, легко в наряд одело,
Что был прозрачен и зеленоват.
...И пусть поздней ушла, пусть обманула.
Ее давно забыл я
навсегда...
Но не уйти мне от морского гула
И от счастливой сини никуда!

ДЕМОН

И у меня был демон.
Он нередко
Захаживал поспорить.
Между тем
На своего прославленного предка
Не походил он обликом совсем.

Свернув цигарку, приклеив слюною
Газету,
он обиженно моргал.
Он фразою язвительной одною
Меня в смятенье тотчас повергал.

Он был на мир сердит.
Был зол и едок.
Он сплевывал сквозь зубы и курил
— Вот так-то, брат, — зловеще напоследок,
Похлопав по плечу, он говорил.

Казалось, что не вынести разлада,
На мир поблекший не подымешь глаз.
И все ж в крови веселой капля яда
Бесследно растворялась всякий раз.

***

Художник на подносе розы
Пестро размалевал,
и вот
Мы, благодушны и тверезы,
Пьем чай и отираем пот.

И ртами, полными варенья,
Мы обсуждаем прелесть роз,
Плодами чистого паренья
Мы восторгаемся до слез.

Мы сердцем тянемся к искусству,
Но розы той величины,
Что смахивают на капусту,
Бутоны — словно кочаны.

Запечатлела кисть артиста
Здоровые земные сны:
Вот розы, нежны и мясисты
И, словно овощи, сочны.

* * *

Не жалуюсь: и я имел друзей!..
У жизни так разнообразны грани:
С одним идешь на бокс, с другим — в музей,
А с тем — сидишь за рюмкой в ресторане.

Мои друзья! Да это ж, право, рать!
Как мы шумели — были помоложе!
Не то чтоб за меня пошли бы умирать,
Но, если надо, поддержали б все же...

О понимание! За нитью рвется нить.
А с новыми идешь на дружбу туго...
До старости когда б мне сохранить
Пусть одного, хотя б для шашек, друга.

ПИРЫ

И я люблю пиры!..
В сердцах ликуя,
Тот рог подъемлет, выводя напев,
А тот, глядишь, мечтая и тоскуя,
Сидит, щеку рукою подперев.

...Своей хранимый робкою звездою,
Я не люблю задач не по плечу.
Я знаю, что не быть мне тамадою:
Я встану, покраснею и молчу.

А тамада — он щедр и смел,
и кру́гом
Идет его от власти голова.
Награды раздает не по заслугам,
А сверх заслуг:
он получил права!

Он — раб минуты,
он — дитя причуды.
Швыряет он в притихшие столы
Рубины лести, славы изумруды,
Алмазы званий, жемчуг похвалы.

Неистощимый,
он имеет опыт.
В нем все черты застольного вождя:
То он нисходит на зловещий шепот.
То мечет громы, дремлющих будя.

Он здравицы плетет,
горластый гений,
Волнует души, путает умы.
В лукавый плен его хитросплетений
Легко, как мухи, попадаем мы.

...Да, я люблю пиры.
С тяжелым рогом
Люблю я, дверь устало отворя,
Встать тихо и смотреть, как за порогом,
Белея, поднимается заря.

***

Жизнь в современном городе тесна,
За городской чертой шагая в жите,
Вы встали вдруг. Дышите же! Дышите!
О кислородом полная сосна!
А вот в зеленом хлорофиле лес.
Да здравствует дыхательный процесс!
Вы, словно в прорубь, падаете в стог —
И в духовитых травах ядовитых
Дышите же! Дышите! Долгий вдох
Пусть постепенно переходит в выдох.
Иль на Кавказе, где-нибудь в духане,
Когда от дыма станет вдруг темно,
Почуете: кончается дыханье,
Ударьте и откроется окно.
Пусть жадно ходит грудь. Глаза смежить!
Дышать — ведь это же и значит — жить!
В веках — и для рабов и для владык —
Дыханье — то, что всех объединило.
Пусть трудно ходит, словно лифт, кадык,
И я дышу. И поступает сила.

* * *

Я славлю обычное. Нету на свете милей
Печеной картошки, добытой из груды углей.

Как сладко обычное! То, что вот тут. И что там.
Хоть те же картошины, что мы подносим ко ртам.

Подуть на картошину. Солью покапать. И есть.
Мне мило обычное. Тем, что не где-то... А есть!

ЗЕМНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Есть похоть беспредельности — ходьба.
По валунам, по пахоте, по мéжам.
Какая это радость, что судьба
Тебя случайно уродила пешим!

И коль в ходьбе ты понимаешь смак,
Иди, тоской пространственной влекомый...
На горном склоне задремавший мак
Тебя с утра встречает, как знакомый.

А что там путь? Переставленье ног
До той черты, где облаков престолы.
И ты идешь, велик и одинок.
Тебя вбирают в глубь себя просторы.

И, наконец, усвоенный совсем
И без остатка растворясь в пейзаже,
Ты станешь вдруг невидим, глух и нем...

Но это ты и не заметишь даже.

***

Кому пожалуешься, мол, болит в боку?
Да некому! Иди ищи по свету...

Напрасно черной улицей бегу
К себе домой. Там никого-то нету!

А ведь совсем не так еще давно
Она мне дверь со смехом открывала...

Весь дом в огнях! Лишь там, где быть должно
Мое окно, — подобие провала.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

О платонизм жестокого романса!
Гитара. И рокочущий басок,
Что как-то все простуженно ломался.
И крупных пальцев за броском бросок...
После блатных частушек из гулага
Ты вышла, песня, гордо на простор.
Кто пел тебя, скажи: гусар-гуляка,
Студент в крылатке, крепостной актер?

Певец не пьян. Ему ли? С этой дозы?!
Мешочки под глазами тяжелы.
У нас упорно подступают слезы
От той высокопарной мишуры.
Нам много ль надо? Он сидит сутуло
И на ногу нога. Запала грудь.
О, только бы куда-то потянуло!
Куда, не знаю. Да куда-то! В путь!..

...Ты к нам пришла из той далекой дали,
Чтоб стать, как пайка, нужной позарез,
Оттуда, где пред зеркалом гадали
И пылко танцевали полонез...

ДУХ ГОМЕРА

От ужаса уничтоженья
Их шайка признавать могла
Один в природе вид движенья:
Коловращение стола.

Не только все с женой да с другом
Или с попутчиком в пути,
А, право ж, почему бы с духом
Вдруг разговор не завести?

С потусторонним адресатом,
Явившимся как бы в дыму,
Шутя, о пятом, о десятом
Не поболтать бы почему?

И дух, явясь, оттуда, сверху,
Взгляд в собеседника вперит...
Но проходимцем на поверку
Оказывается спирит.

И все ж другие в мире этом
Есть разновидности бесед.
И дух — а пчелы роем следом! —
Войдет, и величав и сед.

И залепечешь неумело,
Куда девать не зная рук, —
Перед явлением Гомера,
Возникшего из мрака вдруг,

СТИХИЯ

Я фото видал в иностранном журнале:
Потоком разрушенные мосты...
Стихия!
А в средних веках не она ли —
Средь неба вдруг огненные кресты?!
И голос ее, сокровенный и древний,
Пугал обмирающие моря.
И падали дружно в степи всей деревней,
Стихию о милостивости моля.

Но ни справедливости и ни пощады
Не знает она.
Мановенье руки —
И домики, трогательны и дощаты,
Смывает, как спичечные коробки.
Приходит, стремительная и слепая!
И праведник в ней погружался — до глаз.
И рот открывает он, утопая,
Чтоб плюнуть в лицо ей в последний раз...

В секунду настигнут смертельною лавой,
Спит город.
Из кратера медленный дым!
И вот победитель, увенчанный славой,
И раб накрываются пеплом одним.

И гнутся уныло простертые рощи,
Корнями над пропастями вися...
Кто устоит против натиска мощи,
Уничтожающей все и вся?..
...И слышу голос остудный стихии.
Бьет в стекла! В осоку забрались чирки...

И что ж! Ты уж ноженьки греешь сухие.
И мокрые виснут на стуле чулки.

ПОБЕГ С УРОКА

Как сладок был побег с урока!
Бреду. Распахнуто пальто.
Мокры деревья, и сорока
Кричит, как бы узнав про то.

На пальцах синие чернила.
Что делать посредине дня,
Когда свобода осенила
Своим сиянием меня?

Сейчас сидят, сутулясь, в классе.
Учитель хмуро мел крошит.
Бреду. Обрушились все связи.
И воля голову кружит.

Вот так ходили в перепалки!
Так погибали на кострах!
Бреду в Сокольническом парке
И сладкий ощущаю страх.

Примкнувший к трепетному стягу,
Я больно чувствую в себе
Преступную, по сути, тягу
К неразрешенной синеве.

АВТОБИОГРАФИЯ

А надо мной, как меч Дамоклов,
Мой смертный час, и я спешу.
Ведь я свой собственный биограф —
Я биографию пишу!

Где я родился. Где я вырос.
Чем занимался. Где служил...
Рубахи нижней длинный вырез
Мне грудь по пояс обнажил.

Вот мелких дел моих реестр...
Я современник свой живой.
Что делать мне?
Ведь я свой Нестор —
Полночный летописец свой.

Кем был? Что значу? И что стою?..
Что руку двигает мою?

Черта — помалу — за чертою:
Я свой портрет воссоздаю.

Я мог бы обозреть, конечно,
Своих деяний громкий круг.
Как смел я! Как любил я нежно!

Я — как отец. Как муж. Как друг...
Как мудр! И где мои истокн.
Намек на что-то — остротца!..
И замер я б навеки в тоге
Неустрашимого борца.

Но откровенностн крнвая
Несет. Во мне тоска живет,
Грудь перед миром раскрывая,
Как пред ана́томом жнвот.

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Веселые самоубийцы
Мчат, накренившись, по шоссе.
В пятно смешавшиеся спицы
Поблескивают в колесе.

Ведь есть автобусы. Трамваи!..
Покинули родимый кров.
Иль мало вам поотрывали
За всю историю голов?!

Им ли листать томов страницы,
Воспоминанья вороша?!
Веселые самоубийцы —
Им сладок ужас виража!

Неужто же все песни спеты?
Вот тот сидит: кум королю...
Мчат по шоссе велосипеды,
Припали головы к рулю.

О указательные знаки!
Вы не для тех, кто половчей.
Какие делают зигзаги
Меж ЗИЛов, «Волг» и «Москвичей»!

Что гонит? Вместе всех и порознь!
Какого надо им рожна?
А ничего! Одна лишь скорость
На этом свете им нужна.

Чтоб от дороги, не иначе,
Был угол к линии спины:
Они решением задачи
Статической увлечены!

Чего бояться? Если даже —
Удар! На людях смерть красна!
Что смерть? Ведь если это в раже,
То как проснуться ото сна?..

Велосипедный мир в упадок
Придет еще не скоро. Вот:
Великая работа пяток
Все злей и злей из года в год.

Лети, не ведая покою!
А воля? Иль она слаба?!
Лишь только иногда рукою
Пот все же вытирай со лба.

Так жми сильнее на педали,
К рулю щекою припади
И где-то в беспредельной дали,
В пыли дорожной пропади!..

Ну что же, глянем беспристрастно:
И прежде были рысаки.
Ты хочешь рассекать пространство?
Ну что ж, прекрасно! Рассеки!..

Чтобы, застыв в безмерном крене,
Лететь на дом, на столб, на сад,
Чтобы ходили вверх колени
До подбородка и назад.

Руками лишь всплеснешь: — Поди ж ты!
Им все пустяк! — Осенним днем —
Шоссе. И велосипедисты
Как бы кузнечики на нем.

В канаву сядет, чуть не плача.
А раньше ехал — фон-барон!
Что это? Спала передача
Или не выдержал баллон?!

Регулировщик, делай пассы!
Но ведь средь городских громад
Великой смелости запасы
Их изнуряюще томят.

Ее оставил дед и прадед.
Любой был в скорости горазд!
Они ее и жгут, и тратят,
И скидывают, как балласт.

Их било. Ноги им ломало.
Казалось — хватит. Прекрати!
И все ж ее еще немало
Под майкой слева, там — в груди.

Вот встала с лошадью повозка.
Удар! И вот уж, мертв и глуп,
Лежит, и синяя полоска
Взамен потрескавшихся губ.

А ничего — сработал чисто!
О дышло прямо головой...
Могила велосипедиста
Вовек не зарастет травой...

Так вот она пришла, расплата,
За безрассудство этих трат!

...Их кепочки, как бы опята,
Опять на улицах пестрят.

НАСЛАЖДЕНИЕ

В окне полуовальном — зданье,
Портал, ворота, как пролом...
И — словно школьное заданье —
Он водит нехотя пером.

Но, понемногу пламенея,
Он подошел к такой черте...
И вдруг внезапная идея
Все осветила на листе.
И вот огонь уже играет,
И вот котел уже кипит.
Он только руки потирает,
И только стул под ним скрипит.
Приговоренный самосудом
К служенью, он, как Вечный жид,
И вот по жилкам, по сосудам
Истома, булькая, бежит.

И все пройдет: стихотворенье,
И стул, и за окном портал...

Но вечно это наслажденье,
Которое он испытал!

ЛЕГКОСТЬ

Низка моя осадка:
Набит мешками трюм
До края. Скажем кратко:
Да, я тяжелодум.
Жизнь — дьявольская штука.
Мне легкость не с руки:
Ворочаются туго
Тяжелые белки.
Ворочаются в мозге
Слова. И будут впредь...
Ах, словно б на подмостки
В один прыжок влететь!
Надбровия нависли...
А я ведь не глупей!
Ах, мне пускать бы мысли —
Бумажных голубей!
Раздуть пузырь из мыла.
Ах, сколько здесь утех!
Чтоб легкость изумила
И этих бы и тех.
С осанкою сутулой
Сижу, перо держа...
А дума вслед за думой,
Как за баржой баржа.
Мысль словно бы заноза —

Попробуй извлеки.
Я силюсь: кровь из носа!
Потуги велики!
Я занят только сутью...
Болотный пласт упруг.
Я налегаю грудью
На неуклюжий плуг.
Вот лопнет перепонка!
За гатью снова гать...

Ах, шариком пинг-понга
Над безднами б скакать!..

* * *

«Мир приключений» — был такой журнал,
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...
Кто не сидел над нею до рассвета —
Тот сам себя безбожно обкорнал!

И как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное чтиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затертый насмерть льдами. «SOS».

Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вон — побережье моря, реки, взгорья...
...Но ты смотри на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!

В глухой тайге напьешься из корца...
Умрешь — положат в Грузии к чинаре...
И жизнь твоя как повесть без конца
В том чудном и растрепанном журнале.

* * *

Нет, не гордое паренье!..
Вид у ней нехитр и прост:
Ящерица вдохновенья
Ускользнет, оставив хвост...

И опять дневной прогулкой
Ожидать тебе одно:
Что — и скользкою, и юркой —
Вновь подкрадется оно...

СМЕХ

Хохочут боги у Гомера,
Схватясь руками за бока, —
И эхо гулко прогремело,
Как будто в коридор, в века.

И тех богов громовый гогот
До сей поры для нас пример...
Лишь добряки смеяться могут!
Хихикать может лицемер.

Когда услышишь, как в гортани,
Подобно грому горных рек,
Вдруг возникает клокотанье —
То, значит, весел человек!

Пускай толстяк, давясь от смеха,
Стирает пот, как при жаре.
Смех — он священнее, чем Мекка!
Так пусть трясется, как желе!

Пусть где-нибудь за рюмкой, в блинной,
Среди районных забулдыг,
Худой старик хохочет, длинный —
Пусть ходит вверх и вниз кадык.

Над всем — над миром, над собою —
Пусть будет поводом пустяк!

И в одиночку, и гурьбою,
И без причины — просто так!

И ничего тут не поможет,
Когда какой-нибудь трепач
Вдруг смех утробный вызвать сможет,
Почти переходящий в плач!

От кепки и до самых стелек!
Трясутся в голове мозги!
Но есть и страшный смех истерик,
Смех ужаса и смех тоски.

Пускай, шатаясь, как от качки,
От смеха рот открыт, как пасть!..
Давясь, садятся на карачки —
Смех может навсегда заклясть.

Повизгивает пусть кокетка,
Порозовевшая слегка.
Трясется пусть грудная клетка
Подвыпившего моряка.

Как уши натирают снегом,
Как вкус лекарства на губе...
Есть в мире очищенье смехом,
Ведь вправду смех — возврат к себе!..

Твой жребий как бы ни был горек,
Но испытать обязан ты
Смех, изнуряющий до колик,
До судорог, до хрипоты.

...Гремит по коридорам эхо
Хохочущего чудака!

Что говорить: но тайна смеха,
Как тайна плача, глубока.

* * *

В замке плакала принцесса!..

Все маркизы и князья
Знали: этого процесса
Задержать уже нельзя.

...Акробаты, лицедеи,
Безобразные шуты,
О, насколько вы слабее
Той плаксивой красоты!

Скоморохи скачут мимо,
Скачут с воем мимо... Пусть!
Юности необходима
Та воинственная грусть,

***

Ну что ж, признаюсь, я знаком
С тем чувством, что иными движет...

Ползет завистник — языком
Он противень горячий лижет.

А что печет ему нутро?!
Где ж позитивная основа?..
О, как он чувствует остро
Благополучие другого!

Его как хочешь обзови:
Уже он стал на четвереньки.
Уже он тут вот — визави —
В тебя в упор уставил зенки...

Как будто бы и не урод.
А он путей не разбирает!..
Чудовищная зависть рот
Ему крест-накрест раздирает.

Уже он судит так и сяк...
И сверхъестественная сила
Беднягу наперекосяк
Уже всего перекосила.

ПОЭМА О ДВИЖЕНИИ

Полы трет полотер.
Бредет он полосой.
Как трогают —
хитер! —
Ручей ногой босой.

Он тропку все торит.
Его неверен шаг.
Но вот простор открыт —
Он вышел на большак!

Полы трет полотер.
А ну смелее! Жарь!
И он вошел в задор,
Как на косьбе косарь.

Вперед он сделал крен.
Рубахи нет — штаны.
А ноги до колен
Его обнажены.

Полы трет полотер.
Он с плешью. Он костист.
Он руки вдаль простер,
Кружа, как фигурист.

Веселую игру
Воспринял он всерьез.
Чечетку бьет в углу,
Как «яблочко» матрос.

Полы трет полотер.
Как будто на пари,
Напористый мотор
Работает внутри.

Струится пот со щек,
А пляска все лютей.
Он маятник. Волчок.
Сплошной костер страстей.

Полы трет полотер.
Паркет да будет чист!
Он мчит —
пустынен взор! —
Как на раденье хлыст.

Ему не до красот.
Он поглощен трудом.
Ой-ёй, он разнесет,
Того гляди, весь дом!

Полы трет полотер,
Его летит рука.
Он как тореадор,
Пронзающий быка!

Он мчит. Он там. Он тут.
Устал. Как поднял воз!
Он начертал этюд
Из жестов и из поз.

Полы трет полотер.
В нем порох. В нем запал.
Вот он нашел упор.
От плоти валит пар.

Расплавил пыл его.
А ритм его слепил.
Ухваток торжество.
Телодвижений пир.

Полы трет полотер.
А позы, как хорал!
Мимический актер
Трагедию сыграл.

Он мчит, неумолим,
От окон до дверей.

Движенье правит им.
Оно его мудрей.

УДИВЛЕНИЕ

Как благодатно удивление! Как оно безумно!
Как оно благотворно! Как прекрасен
Удивляющийся человек, хотя несколько и нелеп!
Удивление патетично. Это большое и сложное
искусство.
Не каждому оно дано.
Способность удивляться — это дар.
Не каждый достоин его. Оно — героично.
Что может быть на свете лучше, чем быть удивленным?
Сколько пользы можно добыть из ее великой
бесцельности!

Оно в то же время и могуче:
Оно потрясает, как электрический разряд.
Оно обильно, как тропический ливень.
Прихотливо, как ручей.
Сколько нужно наивности для того,
Чтоб извлечь из удивления всю его бесконечную
мудрость?

Оно в каком-то смысле и трагично — оно беззащитно.
Есть недруги удивления.
У них в глазах мертвая роговица.
Они подстерегают удивление,
Чтобы настигнуть и тут же на месте убить его.

Бойтесь их!..
Есть иерархия удивлений!
Кто знает, может, мы живем для некоего Великого
Удивления?

Я удивляюсь, — значит, я жив.
Слава богу, нет, слава богу, я еще способен удивляться!
Я не раз удивлялся в жизни. Как я удивлялся!
Я помню каждое свое удивление.
Ни одно из них не похоже на другое.
О мои удивления! Вы бескорыстны!
Я копил вас, как скряга.
Я собирал вас, я дрожал над вами.
Я ведь чувствовал, что когда-нибудь,
Раздавив ваши тяжелые и обильные грозди,
Я добуду из них немного поэзии.

ПРИРОДА

Природа.
И я не избег ее козней,
И я любил, идя вдоль межи,
Гробовые молчания осени поздней,
Весны безудержные кутежи.
Что может ее быть щедрей и краше?..
Я равно ценю, различья познав,
И виктории-регии белые чаши,
И вас, незабудки,
дети канав!

Природа!
Я рвал ее путы и скрепы,
Я к солнцу руки тянул из норы...
Водопады и тигры ее — свирепы,
Травы и овцы ее — добры.
Я с детства пред нею благоговею...
Она была чахленьким деревцом,
За мусорной свалкой я встретился с нею
В колодце двора,
к лицу лицом.

Позже я плыл на плотах по Каме...
На тысячи верст безлюдье храня,
Лесами и царствующими облаками

Она окружала в те дни меня.
Я помню юг. За пологим мысом
Дрожала пена — морей молоко.
В небе, разрубленная кипарисом,
Луна, поднявшаяся высоко...

Природа.
Она стучит родниками.
Тронь дно — и заноет кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в дверь — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой,
высосавшей зерно?

Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!
Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогается мир от пенья.
Выпаливая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.

Я летел на Ли-2. С высоты полета
Видел сквозь облачный рваный дым:
Ничтожным пятном расплывалась природа —
Зеленое, смешанное с голубым.
Но как бы ни были мы высоко,

Мы вздрогнем, лишь только она позовет,
В самих нас броженье жаркого сока,
В нас жажда жизни ее живет.

Ждет меня —
верю сильней год от году —
Совсем не смерть, а конец иной:
Я, как в воду, войду в природу,
И она сомкнется надо мной.

КРОВЬ

В этой жидкости красной,
Что в жилах несет человек,
Нрав такой же опасный,
Как нрав у порожистых рек.

То течет понемногу —
Тогда это, впрочем, не в счет, —
То, взрывая дорогу,
Могучие камни влечет.

Слышу я, засыпая,
Как точно стучит под виском,
Бродит жидкость слепая,
Скитается в теле людском.

Оцарапай —
и выйдет,
Чуть-чуть вязковата, тепла.
В ней и в лупу увидеть
Нельзя ни добра и ни зла.

Власть имеет такую:
На сердце нежданно плеснет —
И подросток, ликуя,
На страшный идет эшафот!

Не она ли бросала
Любовников бедных со скал?
Не она ли спасала
Лодчонку, попавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

Упрекнуть его не в чем —
Сквозь жизнь он прошел прямиком,
Был бродягой, и певчим,
И в Сальских степях ямщиком.

Он вставал над упряжкой
И свистом округу пугал.
Он кричал и с оттяжкой
Вожжами коней обжигал.

Он плевал на ладони
И в темень хлестал наугад...
До сих пор еще кони
В крови моей где-то летят!

Кровь по жилам по тонким
Моя отгуляет, а там
Отдаленным потомкам
Ее я в свой срок передам.

КОСНОЯЗЫЧЬЕ

Косноязычье мучило меня.
Была необходима сила бычья,
Скосив белки и шею наклоня,
Ворочать маховик косноязычья.

Косноязычье вовсе не порок!
Застигнутый полупонятным зовом,
Пусть корчится измученный пророк
В борении с рождающимся словом.

Смешенье междометий и слюны.
Побольше часа надобно — не сразу! —
Чтобы, придя в движенье, шатуны
Вдруг выдавили на поверхность фразу.

Лишь пустяки легко выходят в свет!
Я с трепетом внимаю бормотанью.
Все это вздор, покуда бездны нет
Меж мыслью промелькнувшей и гортанью!

И если мысль действительно нова,
То надо говорить с азов учиться...
Ворочаются трудно жернова —
Но льется тонкой струйкою мучица.

ОНА

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался. Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
уйдет — и я умру.

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Кричим, шумим, хохочем,
Но посредине дня
Серьезность, между прочим,
Вдруг посетит меня.

Как бы колдун колдует!..
Она не без причин
Мне на чело надует,
Как на реку, морщин.

Не соловей о розе!..
Я движусь напролом —
На полном «на серьезе»
Сижу, скребу пером.

Не слизыванье крема
Иль пенки с молока!..
Центральная проблема,
Как бездна, глубока.

Какое продолженье
С потерею ферзя?!
Серьезно положенье.
Серьезней быть нельзя!

Я не меняю позы,
От лампы резкий свет.

Поставлены вопросы,
Я должен дать ответ.

Пифагореец мелет
Про тайны разных числ,
Но все же мир имеет
Какой-то главный смысл.

Конечно, не снаружи,
Конечно же, внутри!
Перо сжимай потуже
И в суть вещей смотри!

Я думал: я не вечен!
Коль так, то все — слова!
И я бывал беспечен:
«Все пена! Трын-трава!..»

И в мир я верил слабо,
Во все его дела.
Но на плечо мне лапа
Серьезности легла.

Я, не жалея пыла,
Кричал: «Мне все равно!..»
Серьезность проступила,
Как через бинт пятно.

Мне дух ее явился,
И думал, что умру!
Я шуткой подавился,
Как костью на пиру.

Суровы в мире песни.
Серьезны фонари.
Серьезен мир, хоть тресни.
Хоть лопни. Хоть умри.

* * *

Она жена моя,
Нет, не невеста,
Она жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет...

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
Нет, не подруга,
Она жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

* * *

Нельзя наружу высунуть и носа...
...Под снегом, наплевавши на мороз,
Я вижу пожилого эскимоса.
Он идола точает, эскимос.

Казалось бы, нелепая затея!
Что он, божок — калека из калек?!
...Но то, что мастер встал, благоговея,
Уже он этим самым человек...

***

Поэт бывал и нищим и царем.
Морским бродягой погибал на море.
Ушастым клерком он скрипел пером,
Уныло горбясь за полночь в конторе.

Повешен был за кражу, как Вийон.
Придворный, в треуголке, при параде,
Он фрейлин в ручку чмокал, умилен...
И с песней умирал на баррикаде.

Слепец, брел рынком. Гусли. Борода.
По звонким тропам мчался по Кавказу.
Но кем бы ни бывал он, никогда
Ни в чем не изменил себе ни разу.

МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ ПИКАССО

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей.
Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел гулять на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза,
Слеза стекает...
Разложи! Попробуй!

***

Ал. Михайлову

Художник, воспитай ученика,
Сил не жалей его ученья ради,
Пусть вслед твоей ведет его рука
Каракули по клеточкам тетради,
Пусть на тебя он взглянет свысока,
Себя на миг считая за провидца...

Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

ЛОШАДЬ

Ракета, атмосферу прорывая,
Уйдет туда, где теплится звезда...
А ты, о лошадь, ты, душа живая,
В наш сложный век исчезнешь без следа.

Ты шла, влача громоздкость катафалка,
Ты в бой летела, яростно трубя,
Ты ковыляла пахотой. Мне жалко,
Печальное животное, тебя.

Ты на дыбы не встанешь средь базара
Перед цыганом, глаз скосив со зла,
Губой не тронешь мертвого гусара,
В траву густую павшего с седла...

Наделена и жалостью и злобой,
Была ты и надменна и кротка,
Тряслась под коронованной особой
И под тщедушным телом бедняка.

Но пробил час, и ты уходишь, лошадь,
Назад куда-то, в средние века.
А я б хотел вожжами огорошить
С ямщицкою тоской коренника!..

Еще ты попадаешься покуда.
Почесываясь хмуро о забор,
Копыта врозь, стоит смешное чудо,
Но вынесен суровый приговор.

МАРС

Ты когда-то учил меня
Марс находить на небе.
Ты давал подержать на ладони
Пистолет «ТТ»...
Я почти забыл тебя.
Только помню кавалерийскую шинель
Да зубчатые,
Как будто бы из часового механизма,
Колесики шпор.
Я благодарен тебе.

Но почему я полюбил
Арбатские переулки,
Где на особнячках с колоннами,
В тех местах,
Где отвалилась штукатурка,
Темнеет дранка,
Где, если заглянуть в окна,
Видны уголки багета?
Большие куски штукатурки
Валялись на тротуаре,
И прохожие разносили
В самые дальние районы города
Следы.

Вздыхая,
Я ночами бродил
По хорошо промытой дождями
Москве
С тонкой тетрадкой,
Свернутой в трубку.
В ней были стихи.
За мной тянулись по всему городу следы.
Я задумчиво упирал трубку в подбородок,
Я дул в нее.
Я смотрел сквозь нее,
Как в подзорную трубу, на небо.

Я видел Марс.
Он был мне неинтересен.

***

Вечер в город весенний явился опять
С открытыми окнами, с патефонными вальсами.
Наигравшиеся дети улеглись спать,
Укрывшись байковыми одеяльцами.

Смешалось, спуталось — не разберешь,
Где звезды, где окна, где клены, где зданья!
Очкастые студенты спешат без калош
Мокрыми улицами на свиданья.

Мне спать еще рано, да при такой луне,
В вечер такой, взбудораженный кленами,
Разве уснешь? Что же делать мне,
Взрослому и невлюбленному?

ЯУЗА

Худая девочка бродила
Вдоль узкой Яузы-реки.
В слезах, опершись о перила,
Смотрела вдаль на огоньки...

В краю далеком сердце сжалось.
Проснулся в полночь я с тоской,
И Яуза мне показалась
Великой северной рекой.

И с выси дикого обрыва,
Откуда на безбрежье вид,
Таинственно и горделиво
В простор красавица глядит...

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ТЕТРАДИ

ПОТЕРЯ ПАФОСА

Легким горлом поется
Сегодня на клиросе певчим.
А в подвалах горит воспаленность
На лицах гуляк.
Только ночь холодна,
Только ночи похвастаться нечем.
И на древнем барокко потрескался лак.

Где же пафос достать?
Может, дать объявленье в газету?
Где простертые длани?
Где молний удар из очес?
Люди мерно жуют, путешествуют, ссорятся...
Нету!
Все на месте, как было.
Но пафос исчез.

Как случилось, что пафоса вдруг
Оскудели запасы?
Не запасы урана. И не запасы угля...
И выходит актер.
И, как фокусник, делает пассы,
И уходит он, зала не расшевеля.

А чего там кричать?
Ну, чего горячиться?
Ироничность и тонкость?
Да я ведь их тоже ценю.
Но нельзя же иронией жить!
Это только горчица,
Лишь приправа.
А, собственно, где же меню?

Прежде, словно меха,
Раздувавшие горны,
Поднимались манишки.
Но пафоса нет и следа.
Ведь летящие волосы
Нынче и ложны и вздорны?
Пафос вышел, как в трещинку
Тихо выходит вода.

Писем пылких не шлите.
Бросайте сухую открытку.
Не летите стремглав,
А ползите,
Слегка тормозя...
Тот поплатится жизнью,
Кто сделать способен попытку
Стать высоким,
Когда быть высоким
Нельзя.

Брюссель
1963

ПОСРЕДИ ДЕЛИ

В пиджаках московского пошива
Мы стоим и смотрим на него...
Вот он пляшет, шестирукий Шива,
Вечных превращений божество.

Средь старинных златоверхих зданий
Гид бубнит, все зная назубок...
Разрушений или созиданий?
Кто же ты? Чего ж ты все же бог?

Мы стоим среди дневного лязга,
Средь нормальной спешки городской.
Отчего, скажи мне, эта пляска?
Что случилось? С радости какой?

Курим... Неужели вечно это?
Вьется дым московских папирос...
И, танцуя, не дает ответа
Развеселый бог метаморфоз.

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ»

* * *

На улице, и средь застолия,
И в час, когда лежал больной,
Всем верховодила История.
Она стояла надо мной...

А я в совхозе сено кашивал.
Следил глазами поезда.
И — маленький — ее я спрашивал:
«За что? Кому? Зачем? Куда?..»
Темнело. Стало что-то ветрено!
О косу я водил брусок...
Знал: мне увидеть предначертано
Ее, Истории, кусок.

Трассировали в небо синее,
Пересекая ночь, тогда
Ее светящиеся линии.
Ее гремели поезда.

* * *

Я о добром особо
Поведаю. Но, разъярясь,

Я бросался, и злоба
Меня обжигала не раз.

Вдруг завоет утроба,
И сразу же сходишь с высот,
Изнутри когда злоба
В глаза тебе кровью плеснет.

Стройный храм мирозданья...
Но словно б задули фонарь!
В глубине подсознанья
Ты все еще только дикарь...

За пшеницу, за сало,
Со злобностью лютой какой
Что есть силы бросало
Народы один на другой!

Раздуваясь зобами,
Так прыгают индюки...
Вон дерутся — зубами
Откусывают кадыки!

Злобный слышится скрежет,
Сопенье и хряск кулака...
Душат, рубят и режут
На свете — века и века.

Мавр воюет с испанцем,
В своей же крови он погряз,
Но ползет, чтобы пальцем
Противнику выдавить глаз.

Заскочив в переулок
Селенья, почти нагишом,

Весь изодранный турок
Армян полосует ножом.

Плача зло, исступленно,
Держась, как велит циркуляр,
Бьет из фаустпатрона
По танкам немецкий школяр.

...Парня выбить не могут...
А ведь над его головой
Только дьявольский хохот
Истории всей мировой.

МОНГОЛ В КРАКОВЕ

На камни костелов, откаркав,
Садится, кружась, воронье...
Задумчиво смотрит на Краков
Монгол, опершись на копье.

Морщинисто и безусо,
Лицо наконец расплылось...

...А синие ноги Иисуса
Гвоздями пробиты насквозь.

Мучительней и смертельней
Легенды не знали века...
И лик выплывает из терний
Трагического венка.

В соборы идут краковчане...
Но всадника мучает смех,

Трясутся цветы на колчане
И лисий ободранный мех.

Как вкопанный, прямо с галопа
Он замер. Ладони простри:
Лежит перед взором Европа —
Деревни и монастыри.

В ней всякие странные вещи...
В свой первый единственный раз
Монгол наблюдает зловеще
Европу сквозь прорези глаз.

...От Тихого океана,
Как будто бы чувствуя зуд,
Храпят табуны окаянно,
И чадно кибитки ползут.

ВЕЩИ

Я глубоко уверен в том, что вещи
Красноречивей всяческих речей...

Вот колокол. Он собирал на вече
Лудильщиков, кожевников, ткачей.

Вот горн. Им якобинцы возвестили,
Что кончилась на свете эра зла...

Вот кочерга, которой в Освенциме
Помешивалась белая зола.

ЗА КУЛИСАМИ СЪЕМОК

Там происходят съемки...
А здесь другой резон:
Сидит актер — тесемки
Свисают от кальсон.

Там полыхают шпаги,
Там платья из парчи,
Там лошади, собаки,
Кирасы и плащи.

Там рыцарей раздоры...
За шахматами тут
Сидят, свистя, актеры,
Другие водку пьют...

И в этот мир забытый,
Где ящики и сор,
Небритый и разбитый
Нисходит режиссер.

«Эх, выпить, что ли, малость?!
На донышке оставь!..»
В мозгу перемешалось —
Фантазия и явь.

И он теперь, по сути,
Стоит на рубеже:
Там все в доспехах люди,
Здесь люди в неглиже.

Там мысли все о боге...
А здесь: «Мусье, ваш ход!»
Как труден из эпохи
В эпоху переход!

МИФ ОБ ИУДЕ

Когда повесился Иуда на осине,
Как горько мать заплакала о сыне!

Как слезы материнские текли!
Кричала. Успокоить не могли.

Целует ноги синие Иуде:
— Зачем сгубили сына, злые люди?

ПЛАТОН

На то указывал Гомеру
Нравоучительный Платон:
Кто перешел однажды меру,
Тот вечно будет посрамлен!

В людские не вмещаясь сроки,
У них не чаша, а ушат!
Все пьют гомеровские боги,
Все жрут, горланят и грешат.

Края одежд, пируя, мочат
И, жертвенный вдыхая чад,
До неприличия хохочут,
Воруют, тискают девчат.

Платон — он ужас чует края,
А складки мантии белы.
Глядит он, головой качая,
На бесконечные пиры...

ПОСОХ

Есть один только способ —
Его знала Жанна д'Арк:
Мир взметнется, лишь посох
Поднимет ересиарх...

В состоянии гнева
Не правды всем надо, а лжи,
Вдаль туда, где в полнеба
Над степью стоят миражи!

Скрип походных повозок.
Отрепья. И топот тупой...
И над всем этим посох,
Зажатый в кулак, над толпой.

* * *

Я понимаю все как есть...
Завет «убей!» передавая
Друг другу, люди жили... Месть
Торжествовала родовая!

Копьем коллегу феодал
Прокалывает на турнире.
Под гнетом крепостной страдал.
Чума все пожирала в мире.

Еретика вели в тюрьму,
А он глядел чудно и шало...
Но одного я не пойму:
Любовь, кому ты помешала?

ЛЕТОПИСЕЦ

Вея чистую быль от нелепиц,
Проходя между бездн и высот,
Летописец — старик, страстотерпец,
Страшный крест свой по жизни несет...

Там кого-то забили в железа,
Кто-то спущен был с башни в проем,
Тот преставился, «иже зареза»
Брата в Гжатском именье своем.

Очи скорбные, жидкие пряди.
От дворовых свободен работ,
Только правды единственной ради
Он скребет, и скребет, и скребет...

Что послы возвратились из Рима
И кто пытан на днях колесом...
Будто так уж необходимо
Нам об этом узнать обо всем!

За бойницей гудят христиане.
Им плевать, если глубже, на дно
Опускаясь в ночном океане,
Будет прошлое погребено.

Лишь один он, исполненный страхом,
Слыша в сердце неведомый глас,
Все скребет... «Аз смиренно писахом»...
Не смыкает вдавившихся глаз.

Мелочь былей, что нету дороже,
Словно бусинки нижет на нить

И трепещет от ужаса: «Боже,
О, не дай ни одной обронить!»

И во взгляде огонь святотатца,
И перо расщепил на листе:
«О, не дай ни одной затеряться
В бесконечной твоей пустоте!..»

Быть нельзя и худей и забитей,
Но как змий-искуситель умен:
«Что он значит, твой мир без событий,
Без характеров, дат и имен?»

ГУНН

Нашим археологам

Где у гор раскинулась лагуна
И высокий кипарисный сад,
Раскопали погребенье гунна,
Умершего столько лет назад!

Он лежал, внушительный владыка,
В окруженье двух невзрачных слуг.
На руке браслет из сердолика.
Щит. Копье. Кинжал. Колчан. И лук...

...Что он помнил? Вот была работа!
Воинский неистребимый пыл!
Запах крови, варева и пота.
В круглых чашах молоко кобыл.

Рим тонул в неимоверном гаме.
Вождь рубил, бездумен и космат...
И еще молился робко в храме
Гунном не заколотый прелат.

***

Мир меня ловил и не поймал.
Эпитафия на могиле Г. Сковороды

Он умирает. Подвело здоровье.
Без властных жестов и цветистых фраз.
Так поднимите, люди, изголовье
Мыслителю.
Он хочет видеть вас!

Он окружен победными вещами.
Он здесь не раз сидел по вечерам.
А зтот пар, поднявшийся над щами,
Не жертвенный ли .го фимиам?

На кухне ложки звякают в посуде.
Чуть слышен говор. Плотный дух приправ.
Легко сказать, что смерти нет!
По сути,
О том твердя всю жизнь, он был неправ!

И миг настал. Волнуется. Еще бы!
Его родня вокруг стоит, как рать.
Сейчас он школьник. Вот — часы учебы...
Он учится сегодня умирать.

ЯН ГУС

Он был и скромен, и учен,
И почитал святыни,
Витийствовал всех лучше он
На золотой латыни.

Никто бы в нем и днем с огнем
Не угадал титана!..
Смиренный капюшон на нем,
Смиренная сутана.

Жил бы сто лет, но как-то раз
Он, в страсти необорной,
Рукой костистою потряс
На площади соборной.

И было слышно за версту,
Как, вне церковных правил,
Апостольскую простоту
Он, содрогаясь, славил.

...В огонь вошел ученый чех...
Вселенная взывала:
«Чего ты хочешь, человек?
Чего тебе все мало?»

* * *

Я человек. Прошу, меня любите.
А вот мои два глаза. Изнутри
Они освещены. И всяк в своей орбите.
А вот мой нос. Готов держать пари:

Я человек, я богу равен ликом.
Вот он. Вот я. Никто не отличит!
То рот в улыбке. То разодран криком.
То сигарета изо рта торчит.

Я человек. И только лишь за это
Любить прошу. И я живу, храня
Внутри на дне, во тьме крупицу света...
Я человек. Прошу любить меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1

Стр.

Стр.

Стр.

2

Стр.

Стр.

Стр.

Евгений Винокуров

СЕРЕЖКА С МАЛОЙ БРОННОЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Редактор *А. Ф. Землянский*
Художник *Н. А. Фильчагина*
Художественный редактор *Р. И. Прозоровская*
Технический редактор *А. П. Бабина*
Корректор *Н. М. Опрышко*

* * *

Г-54358
Сдано в набор 19.10.73 г.
Подписано к печати 20.2.74 г.
Формат бумаги $70 \times 90^1/_{32}$
$11^1/_2$ печ. л. 13,46 усл. печ. л. + 1 вкл. $^1/_{16}$ печ. л.
0,075 усл. печ. л. 9,918 уч.-изд. л.
Типографская бумага № 1
Тираж 75 000 экз.
Изд. № 4/186
Цена 1 руб. 23 коп. Зак. 52

* * *

Ордена Трудоаого Красиого Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
Набраио в 1-й тнпографин Военнздата
103006, Москва, К-6
проезд Скворцова-Степанова, дом 3
Отпечатано с матриц
во 2-й типографни Военнздата
г. Леиинград, Д-65, Дворцовая пл., д. 10.

Р2
В49

Винокуров Е. М.

В49 Сережка с Малой Бронной. Стихотворения. М., Воениздат, 1974 г.

364 с.

У Евгения Винокурова большой жизаеиный опыт. После девятого класса ои добровольно пошел в военное училище. В аосемнадцать лет Е. Винокуров уже командир взвода, участвует в боях.

После войны — учеба в Литературном институте им. А. М. Горького, упорная творческая работа, пераые стихи в печатн, первые книги, сразу же принесшне талантлиаому поэту изаестность.

В сборинк «Сережка с Малой Бронной» вошли ноаые стихи поэта и лучшие прозведения из его ранее вышедших книг.

В $\frac{70402\text{-}161}{068(02)\text{-}74}$ 172-74 Р2

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: 103160, Москва, К-160.